

4И
С-18
-58949-

Г. Д. САНЖЕЕВ

СТАРО-
ПИСЬМЕННЫЙ
МОНГОЛЬСКИЙ
ЯЗЫК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт народов Азии

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Под общей редакцией
проф. Т. П. Сердюченко*

411
С-18

Г. Д. САНЖЕЕВ

СТАРО- ПИСЬМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Научная библиотека
КИГИ РАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
Москва 1964

- 67685 -

ae

Б. Моголов

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Г. Д. Санжеева «Старописьменный монгольский язык» входит в серию очерков по языкам народов Азии и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например: «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Дравидийские языки», «Иранские языки», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Арабские диалекты Магриба» и др.

В большей части очерков описываются конкретные живые языки различных народов Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, монгольский, уйгурский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабула, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малайлам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно историческую роль в жизни народов Азии и Африки: египетский, финикийский, аккадский, санскрит, пали, авестийский, древнеперсидский, среднеперсидский, древнеуйгурский, хеттский, древнеяванский (кави) и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Равным образом особенности и отличия от общих схем имеют такие очерки, в которых описываются либо близкородственные языки, либо различные формы существования одного и того же языка. К числу подобных очерков и относится предлагаемая ниже работа Г. Д. Санжеева о старописьменном монгольском языке, которая написана автором с учетом содержания ранее вышедшего в серии «Языки народов

«Азии и Африки» его же очерка «Современный монгольский язык» (Москва, 1960).

Очерки предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, издательство «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Современный монгольский язык, на котором говорят основное население Монгольской Народной Республики и монгольские этнические группы автономного района Внутренняя Монголия и некоторых других пунктов в Китайской Народной Республике, в диалектологическом отношении представляет собой совокупность ряда местных диалектов с общим числом своих носителей около 2,5 млн. человек¹. Этот язык в настоящее время кроме своих местных диалектных разновидностей существует также в двух письменных формах: 1) современного литературного языка, распространенного в Монгольской Народной Республике на халхаской диалектной базе и с кириллической письменностью (с 1945 г.), и 2) старописьменного языка, являющегося предметом настоящего очерка.

Как известно, старописьменный монгольский язык начал складываться примерно в начале XIII в. Диалектная база этого языка до сих пор точно не установлена. Правда, Б. Я. Владимирцов полагал, что в основу письменного языка монголов XIII века лег торгутский диалект с характерным для него отсутствием прогрессивной лабиализации, поскольку этим же фонематическим свойством отличается и данный письменный язык². Однако монголистика не может утверждать, что в XIII в. отсутствие прогрессивной лабиализации было присуще только торгутскому диалекту или ойратским диалектам вообще. Многочисленные данные говорят как раз о том, что это было характерно тогда для всех монгольских диалектов. Впрочем, в пользу торгутского или вообще ойратского диалектного характера старописьменного монгольского языка можно было бы привести несколько слов этого языка, фонетический облик которых несомненно является только ойратским: *дебел* 'шуба', *дбер-ун* 'свой', *хамба* 'где' и *дрлуге* 'утро' (ср. соответствен-

¹ См.: Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1960; Г. Д. Санжеев, *Современный монгольский язык*, М., 1960.

² Б. Я. Владимирцов, *Монгольские литературные языки*, «Записки Ин-та востоковедения Академии наук СССР», I, Л., 1932, стр. 6.

но современные ойратск. *девёл, еврән, хама* и *брлэ*, халхаск. *дел, брн, ха* и *огло*).

Старописьменный монгольский язык уже с XIII в. застается историей вполне разработанным, со строго установившейся орфографией и сложившимся литературным стилем. Это обстоятельство заставило монголистов полагать, что у монголов литературный язык возник в более раннюю эпоху, до образования монгольского государства XIII века. Но где и у какого монгольского племени мог впервые появиться такой язык? У керейтов, отвечал Б. Я. Владимирцов, которые задолго до Чингисхана приняли христианство несторианского толка и, возможно, буддизм, кочевали на древней родине уйгуров и, находясь в культурных сношениях с ними, тангутами и народами Восточного Туркестана и Семиречья, были на более высокой ступени развития, нежели прочие монгольские племена³. К этим керейтам присоединились в свое время и торгуты.

Поскольку же изложенная керейско-торгутская гипотеза Б. Я. Владимирцова не находит фактического подтверждения, выдвигается другая гипотеза о том, что впервые монгольский письменный язык появился у киданей, у которых имелись даже две письменности на иероглифической основе⁴. К сожалению, из-за отсутствия достаточного количества памятников на киданском — несомненно монгольском — языке в данный вопрос никак не вносится необходимая ясность.

Как бы то ни было, старописьменный монгольский язык к концу XIII и началу XIV в. уже вполне окреп и, миновав переходную ступень своего развития, примерно к концу XVI в. принял тот облик, который именуется классическим и в котором этот язык выполнял и выполняет нужды письменного общения монголов⁵. Однако весьма существенным является то, что именно с конца XVI в. старописьменный монгольский язык становится орудием письменного общения собственно монголов в границах Халхи и Внутренней Монголии, тогда как до означенного периода он был общемонгольским литературным языком, обслуживавшим также бурятские и ойратские племена. Что же произошло? Примерно в период XV—XVI вв., который в истории старописьменного монгольского языка считается

³ Б. Я. Владимирцов, *Монгольские литературные языки*, стр. 6—7.— Отметим кстати, что так называемой «найманской» теории происхождения монгольского письменного языка не существует.

⁴ См. рецензию Л. Лигети на кн: Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, т. I, М., 1953, в журн. «Вопросы языкознания», 1955, № 5, стр. 133—141.

⁵ Подробнее о трех периодах развития монгольского письменного языка см. Б. Я. Владимирцов, *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия*, Л., 1929, стр. 19—42. О том же кратко см. Г. Д. Санжеев, *Современный монгольский язык*, стр. 9—10.

вторым или переходным, происходил постепенный процесс высвобождения этого языка от многих лексических и некоторых грамматических элементов, оказавшихся к тому времени уже архаизмами. Одновременно с этим старописьменный монгольский язык, как и любой другой язык на какой-либо письменной основе, все более и более испытывал влияние устной народной речи, вбирая в себя ее живительные соки, которые, однако, вливались в старое орфографическое русло.

Изложенный процесс дальнейшего развития старописьменного монгольского языка совпал с важным процессом выделения ойратских и бурятских племен в самостоятельные народности, происходившим как раз в это время и в основном завершившимся к началу XVII в. Это одновременно означало также, что отныне старописьменный монгольский язык, обслуживая нужды общения лишь собственно монголов, в своем последующем функционировании и постепенной эволюции опирается на богатство лишь одного собственно монгольского языка. Недаром именно в половине XVII в. ойраты создают свою отдельную письменность, так называемое «яс ое письмо» («тодо бичиг»). В общем к этому времени завершается распад единого монгольского языка. Правда, буряты и отчасти ойраты продолжали пользоваться старописьменным монгольским языком, теперь уже для них «чужим», хотя и понятным взиду исключительной взаимной близости монгольских языков. Но с течением времени ойраты все же создали свой литературный язык с так называемой «зая-пандитовской» письменностью или «ясным письмом» («тодо бичиг»), а буряты, пользуясь старым монгольским алфавитом, также выработали свой письменный язык, отличающийся от старописьменного монгольского и иногда считающийся литературным диалектом, или изводом, последнего.

В связи с изложенным необходимо кратко остановиться на термине «единый монгольский язык», в схоластическом споре о котором считают для себя возможным принимать участие даже лица, не знающие монгольского языка. С одной стороны, как известно, некоторые исследователи полагают до сих пор, что и в настоящее время существует единый монгольский язык, который лишь дробится на ряд местных диалектов, а именно: западные, или ойратские, северные, или бурятские, центральные (халхаский и другие) и восточные, или внутренне-монгольские. С другой стороны, отдельные авторы считают, что единого монгольского языка не существовало и в эпоху создания монгольской государственности в начале XIII в. При таких условиях приходится призадуматься над тем, что же разумеется под «единым языком» вообще. По мнению одних исследователей, «единый язык» — это такой язык, который не дробится на какие-либо местные или племенные диалекты. Ко-

нечно, в таком случае до сих пор ни один народ прошлого и настоящего не знал и не знает «единого языка»: концепция об идеальном едином языке существовала лишь у ранних романтически настроенных компаративистов. Очевидно также, что под «единым монгольским языком» настоящего другие ученые разумеют совокупность близкородственных монгольских языков. При подобном разном в понимании «единого языка» необходимо стать на прочную лингвистическую почву и поставить вопрос конкретно следующим образом: были ли различия между протобурятскими, протоойратскими и протомонгольскими диалектами XII—XIV вв. большими или меньшими по сравнению с теми различиями, которые существуют между бурятскими, ойратскими и собственными монгольскими⁶ диалектами наших дней? Как известно, по этому вопросу среди монголистов двух мнений нет: несомненные различия между названными диалектами все более и более расширялись, по мнению одних исследователей, вплоть до образования самостоятельных — ойратского, бурятского, собственно монгольского, афганско-монгольского, монгорского, дунсянского, баоаньского и дагурского — языков, а по мнению других специалистов по монгольским языкам, до степени формирования лишь крупных диалектных массивов.

Старописьменный монгольский язык, будучи ныне одной из двух литературных форм функционирования современного монгольского национального языка, представляет собой весьма сложную картину. С одной стороны, этот язык своим орфографическим обликом внешне фиксирует фонетическую систему монгольских диалектов XIII—XIV вв. С другой же стороны, вся лексика и вся грамматика этого языка в настоящее время полностью отражают черты и особенности современного монгольского языка. Конечно, в старописьменном монгольском языке имеются такие лексические и грамматические элементы, которые отсутствуют в устной народной, или диалектной, речи. Однако эти же элементы, за исключением омертвелых форм вспомогательных глаголов, органически входят в состав современного литературного языка и никак не считаются архаизмами или искусственными наслоениями, например, союзы *ба* 'и' и *бөгөөд* 'да, и', имена типа *хумуус* 'люди' и т. д. — явление,

⁶ В монголистике под одним и тем же термином «монгольский» разумеется, во-первых, то, что относится лишь к монголам, составляющим основное население Халхи и Внутренней Монголии, а во-вторых, то общее, что относится ко всем монгольским языкам. Иначе говоря, здесь нет двух этно-лингвистических терминов для обозначения видового и родового понятий, например, аналогичных терминам «русский» и «славянский» или «башкирский» и «тюркский». Поэтому лишь в крайне необходимых случаях выражение «собственно монгольский» применяется именно в вином значении, ибо «халха-монгольский» неудобен тем, что при этом исключается все относящееся к внутримонгольским диалектам.

обычное для всех литературных языков, имеющих многовековые письменные традиции.

Поскольку вся лексика и вся грамматика старописьменного и современного литературного монгольских языков как двух форм функционирования одного и того же монгольского национального языка совпадают почти полностью, постольку же этим самым предопределяется содержание настоящего очерка: все основное и необходимое в данном отношении уже изложено в другом очерке⁷. Поэтому здесь, в настоящем очерке, в части лексики и грамматики будет излагаться лишь то, что составляет орфографическую специфику старописьменного монгольского языка. Необходимо при этом подчеркнуть, что орфография морфем этого языка имеет исключительно важное значение с точки зрения познания хода всего исторического развития монгольских языков с XII—XIII вв. до настоящего времени. И вместе с тем эта орфография является еще живой и реальной на значительной части распространения современного монгольского национального языка. Естественно также, что в настоящем очерке более значительное внимание уделяется изложению фонологической системы старописьменного монгольского языка, без знакомства с которой невозможно понять в полной мере и фонологические системы современных монгольских языков, в первую очередь — собственно монгольского, бурятского и ойратского, т. е. калмыцкого, не только в диахроническом отношении, но и в синхроническом плане.

Современные монгольские языки за исторически обозримое время прошли длительный путь своего эволюционного развития. Можно в общем установить, что примерю за период с XII—XIII вв. до настоящего времени в лексике монгольских языков произошли существенные изменения при весьма устойчивом сохранении средств морфологического словообразования, коренным образом видоизменилась фонетическая система при относительной сохранности основных начал сингармонизма гласных и сравнительно мало изменился морфологический строй, если, конечно, не считать того, что в связи с общими фонетическими изменениями несколько иной звуковой облик приняли многие морфемы словообразовательного и словоизменительного назначения. Во всяком случае тексты XIII—XIV вв. ныне читаются без каких бы то ни было затруднений всеми монголами (если только не встречаются какие-нибудь лексические архаизмы): здесь орфография старописьменного языка, которая известна каждому грамотному монголу, помогает ему очень легко «переводить» старые формы на формы, распространенные в каждом данном диалекте наших дней.

---

⁷ См. Г. Д. Санжеев, *Современный монгольский язык*, стр. 26—99.

СТАРЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ АЛФАВИТ

Старый монгольский алфавит состоит из 20 основных и 8 дополнительных букв, первые из которых служат для передачи «коренных» монгольских фонем, а последние — для обозначения иноязычных звуков в словах, заимствованных примерно с XV в. по настоящее время. Все эти буквы пишутся сверху вниз, образуя тем самым вертикальные строки, располагающиеся слева направо. Многие основные буквы данного алфавита в зависимости от своего места в слове имеют два или три различных начертания: начальное, среднее и конечное. Кроме того, буквы «а» и «е», имеющие одинаковые начертания в середине и конце слова, пишутся отдельно от слова после некоторых согласных, получая при этом особое начертание, а буква «*ö/ü*» в первом слове после согласного сохраняет свой диакритический знак «*j*», но теряет начальный алеф, подобно буквам «а», «*i*» и «*с/у*».

Из особенностей написаний согласных букв отметим следующие: а) если буквы «*н*» и «*б*» в середине слова оказываются перед каким-нибудь согласным, то теряют свои диакритические знаки слева, б) если буква «*б*» оказывается в последнем слове слова, конечный гласный «а» (не всякий гласный!) которого пишется отдельно, то она также теряет свой диакритический знак, в) буква «*т/д*» в середине слова перед согласной буквой, как и в конце слова, передает фонему *д*, имея начертание, совпадающее с средним сочетанием букв «*о/у*» плюс «*ч*».

Если оставить в стороне некоторые нозоведения и диакритические знаки, например, две точки слева от буквы «*б*», одну точку слева от буквы «*н*», знак «*j*» в качестве показателя буквы «*ö/ü*» первого слога или алеф в начале букв «а», «*i*», «*о/у*», «*ö/ü*» и «*h*», — то окажется, что старописьменный монгольский алфавит состоит из 14 осюжных знаков, которые можно видеть по таблице в начальных «е», «*j*», «*х*», «*б*», «*с*», «*т/д*», «*ч*» и «*в*», в средних «*т/д*», «*о/у*», «*м*» и «*р*», а также в конечных «*j*» и «*л*». Эти 14 знаков соответствуют 14 знакам уйгурско-орхонскому алфавиту, в свою очередь являющегося лишь адаптацией согдийского⁸. Поэтому некоторые из этих знаков являются различными начертаниями разных букв, например, знак конечного «*j*» является полифоним, передавая начальное начертание буквы «*к/г*» и конечные буквы «*i*» и «*j*»; начальное начертание буквы «*б*» совпадает с начертаниями букв «*о/у*» и «*ö/ü*» и т. д. (см. в таблице 1⁹).

⁸ Б. Я. Владимирцов, *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия*, стр. 79.

⁹ Дополнительные буквы представляют собой некоторые видоизменения основных или основные же с диакритическими знаками в виде черточек вниз или вверх по воображаемой вертикали (см. в таблице 1).

Некоторые буквы передают различные фонемы, точнее — го две такие фонемы, которые в фонологической системе представляют собой членов одномерных оппозиций: гласные *о* — *у*, *ō* — *ū* и, в срединном начертании, *а* — *е*, а также согласные *т* — *д* и *к* — *г*.

Таким образом, в старом монгольском алфавите следует различать следующие графические категории: 1) знаки — определенные изображения, в своем большинстве повторяющиеся в различных начертаниях разных букв и примерно соответствующие элементам кириллицы или лагзского алфавита; 2) начертания букв — как бы позиционные варианты последних, так сказать аллобуквы; 3) буквы — совокупность различных начертаний, служащих для обозначения одной и той же фонемы или ряда родственных фонем типа *т* — *д* и *к* — *г*.

Как известно, старый монгольский алфавит был заимствован монголами от уйгуров на рубеже XII и XIII вв.¹⁰, причем до сих пор не выяснено, какое же монгольское племя впервые ввело у себя этот алфавит¹¹. Монгольские филологи, используя уйгурский алфавит, в общем сохранили особенности этого алфавита, а именно способ передачи большого количества фонем меньшим количеством букв путем написания различных звуков каким-нибудь одним знаком. Конечно, с течением времени внешний облик букв алфавита подвергся некоторым изменениям, главные из которых сводятся к следующим: 1) конечные буквы «а», «е», «н» и «т/д» стали писаться с чертой, загибающейся слева направо, а не справа налево¹²; 2) в середине слова буква «т/д» стала писаться различно — в зависимости от ее превокального и преконсонантного положения: начертание, как бы состоящее из сочетания срединных начертаний букв «о/у» и «а», начало употребляться с течением времени только для обозначения преконсонантного переднеязычного *д*; 3) в середине слова обозначение фонем *ч* и *дж* стало строго и всегда различаться, тогда как раньше обе эти фонемы передавались одной буквой «ч», за которой сохранилась функция изображения лишь одной фонемы *ч*, — в начале слова аффриката *дж* пишется так же, как и среднеязычный *ж*, а в конце слова

¹⁰ Древнейший памятник монгольской письменности на старом алфавите относится примерно ко второй половине двадцатых годов XIII века (так называемый «Чингисов камень» — надпись на камне, приписываемая Исунке, племяннику Чингисхана).

¹¹ Однако предположительно называют керентов, что, впрочем, не подтверждается никакими конкретными данными.

¹² Как это показано в нашей таблице I. Так как излагаемые графические инновации не имеют существенного фонологического значения, мы ограничиваемся здесь их кратким описанием, за которым можно следить, обращаясь к той же таблице. Подробнее же см. Б. Я. Владимирцов, *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия*, стр. 66—89.

согласные *ч* и *дж* вообще не встречаются. Кроме того, позже, в связи с обширными переводами с санскрита, тибетского и других языков и проникновением в монгольскую лексику большого количества иноязычных слов, в алфавит было введено семь дополнительных букв, о которых говорится ниже в разделе о согласных. В результате всего этого и сложился старомонгольский алфавит в том виде, в каком он применяется монголами примерно с XVI в. до настоящего времени (с 1945 г. в Монгольской Народной Республике этот алфавит заменен новым на основе кириллицы).

ЧТЕНИЕ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Описание фонологической системы старописьменного монгольского языка и фонематических значений букв старого монгольского алфавита будет дано ниже. Здесь же представляется необходимым изложить стили или системы чтения старописьменного текста, наблюдаемые у монголов. Само собой разумеется, что представители различных районов монгольского населения читают старописьменный текст применительно к фонетической системе своих местных диалектов, при этом совершенно не вникая в то, какие фонематические значения имели некогда знаки старого монгольского алфавита.

Однако различное чтение написанного по-старомонгольски вытекает не только из фонетического разнообразия монгольских диалектов, но и из полифонного характера некоторых знаков старого монгольского алфавита; см. ниже о буквах «т/д», «о/у», «ō/ū», «дж/ј» в начале слова, «дж/дз» и «ч/ц» для носителей диалектов халхаского типа. Полифонность же этих знаков в свою очередь находится в точной и прямой зависимости от междиалектных чередований соответствующих фонем в XIII—XV вв., о чем также см. ниже в разделе о фонологической системе. Если оставить в стороне речитативное чтение нараспев, столь любимое в свое время писарями феодальных канцелярий, буддийскими монахами и разными грамотеями в княжеских ставках, то в общем можно отметить две системы чтения старописьменного текста. По одной системе все знаки старого алфавита произносятся в соответствии с фонемами, наличествующими в данном местном диалекте, носителем которого является тот или иной чтец. По другой же системе чтения весь текст как бы целиком переводится на тот или иной местный диалект, ибо при этом все слова из старописьменной формы переделываются в форму, известную в каждом данном диалекте. Существует, конечно, смешанная система чтения: знакомые и повседневные слова читаются по второй системе, а слова и грамматические формы, малоизвестные или вообще отсутствующие в данном диалек-

Знаки старого монгольского алфавита

Написания			Наименования букв	' Написания			Наименования букв
Начальное	Среднее	Конечное		Начальное	Среднее	Конечное	
ᠠ	ᠠ	ᠡ	а	ᠠ	ᠠ	ᠡ	м
ᠢ	ᠢ	ᠣ	е	ᠢ	ᠢ	ᠣ	ч
ᠤ	ᠤ	ᠥ	и	ᠤ	ᠤ	ᠥ	дж
ᠨ	ᠨ	ᠣ	о/у	ᠨ	ᠨ	ᠣ	ј
ᠪ	ᠪ	ᠣ	ö/ü	ᠪ	ᠪ	ᠣ	к/г
ᠮ	ᠮ	ᠮ	н	ᠮ	ᠮ	ᠮ	р
ᠮ	ᠮ	ᠮ	нг	ᠮ	ᠮ	ᠮ	в
ᠮ	ᠮ	ᠮ	х	ᠮ	ᠮ	ᠮ	ф
ᠮ	ᠮ	ᠮ	з	ᠮ	ᠮ	ᠮ	п
ᠮ	ᠮ	ᠮ	б	ᠮ	ᠮ	ᠮ	з
ᠮ	ᠮ	ᠮ	с	ᠮ	ᠮ	ᠮ	ц
ᠮ	ᠮ	ᠮ	ш	ᠮ	ᠮ	ᠮ	к
ᠮ	ᠮ	ᠮ	т/д	ᠮ	ᠮ	ᠮ	н
ᠮ	ᠮ	ᠮ	л	ᠮ	ᠮ	ᠮ	ж

те, воспроизводятся согласно первой системе. Отсюда легко видеть, какое большое и бесконечное разнообразие стилей чтения старописьменного монгольского текста существует в зонах распространения старой письменности. Для иллюстрации сказано о о ниже представляется таблица двух систем чтения старописьменного текста носителями халхаского, ордосского и ойратского диалектов (дсл ота не указывается).

Представленные в таблице образцы двух систем чтения старописьменного текста носителями трех групп современных монгольских диалектов являются, конечно, приблизительными, так как на практике могут быть отступления в ту или иную сторону в зависимости от степени грамотности данного чтеца, местных традиций чтения или педагогических приемов разных учителей монгольского языка. Однако как бы и что бы там ни было, изложенное свидетельствует об отсутствии единых присносительных норм на всей территории распространения старописьменного монгольского языка — как известно, такая картина вообще характерна для исторического прошлого любого литературного языка донациональной эпохи. Недаром относительно произношения написанных по-монгольски слов Г. И. Рамstedт в свое время писал: «... Приходится лишь вооружаться терпением, видя, что оно меняется не только по наречиям или по хошунам (хошу — «княжества»), но даже по отдельным манастирям»¹³. Все это прежде, при отсутствии надлежащим образом организованной системы школьного обучения и господстве маньчжурской или тибетской письменности в дореволюционной Монголии, приводило к тому, что монгольское письмо не отличалось единообразием, последовательностью в отношении написания слов и чтения. Г. И. Рамstedт писал, что даже тот, кто слышет за грамотного «монголоведа», часто «пишет одно слово верно, а десять ошибочно. Какое-нибудь слово, которого ему никогда не приходилось видеть в правильно написанном виде, он может написать, лишь придерживаясь собственного произношения»¹⁴. Поэтому не является случайным, что многие списки известных монгольских сочинений пестрят многообразными орфографическими ошибками и отступлениями от норм правописания, о чем неизменно писали издатели различных памятников монгольской литературы Б. Я. Владимирцов, А. Мостарт и др. А ведь переписчики и любители лучших образцов старой монгольской литературы отнюдь не были плохими грамотеями. Надо заметить к тому же, что обычная у монголов почти стенографическая скоропись как бы скрывала орфографическую неразбериху и степень грамотности того или иного пишущего.

¹³ Г. И. Рамstedт, *Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора*. СПб., 1908, стр. 2.

¹⁴ Там же, стр. 2.

Таблица 2

Транслитерация старописьменного написания слов	Первая система чтения в диалекте				Вторая система чтения в диалекте			
	халхаском		ордосском		халхаском		ордосском	
	халхаском	ордосском	халхаском	ордосском	халхаском	ордосском	ордосском	ойратском
абула 'гора'	агула	агула	асун	асун	ул	ул	ул	ойратском
часун 'снег'	часун	часун	модун	модун	цас	цас	цас	ойратском
модун 'перев'	модун	модун	джигасун	джигасун	мод	моду	моду	ойратском
джигасун 'рыба'	джигасун	джигасун	оругсан	оругсан	дзигас	дзигасу	дзигасу	ойратском
оругсан 'вошедший'	оругсан	оругсан	брлуге	брлуге	орсун	оросоң	оросоң	ойратском
брлуге 'утро'	брлуге	брлуге	сугу	сугу	бгдб	бгдб	бгдб	ойратском
сугу 'подмышки'	сугу	сугу	дзам	дзам	сугй	суг	суг	ойратском
дзам 'дорога'	дзам	дзам	хота	хота	дзам	дзам	дзам	ойратском
хота 'город'	хота	хота	чикин	чикин	хотб	хото	хото	ойратском
чикин 'ухо'	чикин	чикин	голумта	голумта	чихе	джикхе	чикин	ойратском
болумта 'очаг'	голумта	голумта	дотум	дотум	голдмтб	гулумта	гулаьмт	ойратском
дотум 'каждый'	дотум	дотум	чухум	чухум	тутам	дотом	дотом	ойратском
чохум 'топчий'	чухум	чухум	дебел	дебел	чухам	дэжухум	дэжухум	ойратском
дебел 'шуба'	дебел	дебел	хөкө	хөкө	дгдл	дгдл	дгдл	ойратском
көкө 'слив'	хөкө	хөкө	гер-ече	гер-ече	хөхө	гөкхө	көкө	ойратском
гер-ече 'из юрты'	гер-ече	гер-ече	ирүгдл	ирүгдл	гер-еце	гер-еце	гер-еце	ойратском
ирүгдл 'благопожелание'	ирүгдл	ирүгдл	дэжиргуган	дэжиргуган	ирдл	брдл	брдл	ойратском
дэжиргуган 'шесть'	дэжиргуган	дэжиргуган	јөкө	јөкө	дэжиргуган	дэжиргуган	дэжиргуган	ойратском
јөкө 'большой'	јөкө	јөкө	јаман	јаман	јөкө	јөкө	јөкө	ойратском
јаман 'коза'	јаман	јаман	седкїл	седкїл	јамд	јамд	јамд	ойратском
седкїл 'мысль'	седкїл	седкїл	дзаса-	дзаса-	сеггдл	седкїл	седкїл	ойратском
дзаса- 'исправлять'	дзаса-	дзаса-			дзас-	дзаса-	дзаса-	ойратском

кализмом заднего ряда переходят в разряд слов с передними гласными, конечно, без палатализации согласных, 2) при этом, что весьма примечательно, в подобных словах мы находим проточный согласный *x* вместо смычного *k*, обычного для слов с вокализмом переднего ряда вообще, а зато в словах с задними гласными в положении перед гласным *i* сохраняется смычный *k*, в других условиях развившийся в проточный *x*: *сáлкн* ~ *сал'кн* ← *салкин* 'ветер', *хúв* ← *хуби* ← *куби 'доля, часть' (халхаск. соответственно *салх'и* и *хув'и*).

Однако если гласный заднего ряда *i до своей конвергенции с передним гласным *i* подвергался ассимиляции с какими-либо другими гласными, что могло иметь место в еще дописьменный период, т. е. примерно до XIII в., то палатализация соответствующих согласных не происходила: халхаск. *нó* ← *нибу 'скрывать', *б'áру* ← *бiрабу* ← *бирабу 'двухлетний теленок', соответственно бурятск. *н'ó* ← *нибу* ← *нибу, *буру* (в некоторых диалектах) ← *бирабу, калмыцк. *нó* ← *нибу, *бóру* ← *бiрабу* ← *бирабу.

Заслуживает упоминания то, что в монгольских и ойратских диалектах слова с гласными переднего ряда не содержат в себе палатализованных согласных, образующихся под влиянием гласного *i*, чего нельзя сказать относительно бурятских диалектов: *ýлиje* → халхаск. *ýлэ*-, ойратск. *ýлэ*- и бурятск. *ýл'э*- 'дуть'. Отсюда появление в названных диалектах кроме бурятских омонимов и омоформ: халхаск. *ýлэ* ← *ýлеге* → бурятск. *ýлэ* 'остающийся' — халхаск. *ýлэ*- ← *ýлиje* → бурятск. *ýл'э*- (см. выше).

Далее, если к излагаемому подходить с фонологической точки зрения, этот гласный *i* в непрерывных слогах оказывается противоположенным всем прочим гласным в том смысле, что он при этом всегда находится в положении релевантности, тогда как последние в указанных слогах нейтрализуются, т. е. оказываются как бы комбинаторными, или позиционными, вариантами одной и той же фонемы, аллофонами, — здесь речь идет о кратких гласных, так как с долгими гласными в современных монгольских языках дело обстоит иначе (см. ниже о сингармонизме).

Буквой «*o/u*» передаются: 1) средний по раствору лабиализованный гласный заднего ряда *o* и 2) узкий лабиализованный того же ряда *u*, а поэтому чтение этой буквы определяется по контексту: *орду* ← *орда 'дворец, ставка' и *урту* 'длинный, долгий' (эти слова в письме представляют собой омографемы, т. е. сочетания полифонов, и могут быть формально прочитаны в виде *орту*, *орду*, *урту* и *урду*, из коих в халхаском чтении *орóу* и *урту* — в ордосском же чтении соответственно *урду* и *урту* — передают приведенные выше реальные слова, тогда как в халхаском чтении *орту* и *урду* —

по-ордосски соответственно *орту* и *орду* — оказываются простыми наборами звуков; чтения же в виде *орто*, *ордо*, *урто* и *урдо* невозможны, так как гласный *о* встречается только в первом слоге, если в данном случае не иметь в виду обычные в устной речи ассимиляционные *орто* и *ордо*).

Только что отмечено, что гласный *о* встречается в первом слоге. Из этого правила как будто бы вытекает, что в первых слогах буква «*о/у*» должна читаться исключительно как *у*, например: *орун* 'место', *мнзбул* 'монгол', *оруи* 'поздно' и т. д. Однако такое чтение данной буквы в подобного рода словах является неправильным. Дело в том, что в старописьменном монгольском языке буква «*о/у*» в первых слогах передает: 1) гласный *у* исконного древнемонгольского типа, например: *урту* ← *урту* 'длинный', и 2) гласный *о*, восходящий к древнемонгольскому *а, например: халхаск. *ордд* ← *орда → ордосск. *орду* → *урду* 'дворец, ставка'. Эти примеры весьма наглядны в том отношении, что они свидетельствуют о одновременной лабиальной ассимиляции в различных монгольских диалектах: в диалектах ордосского типа такая ассимиляция произошла в очень давние времена, когда гласный *о* был нетерпим в первых слогах, и отсюда *орда → *орду*, после чего в этих же диалектах стала обычной узколабиальная ассимиляция, в данном случае иллюстрируемая в виде *орду* → *урду*; в диалектах же халхаского типа лабиальная ассимиляция появилась позже, когда гласный *о* оказывался допустимым в первых слогах, в результате чего мы находим халхаское *ордд* ← *орда. Все же, по-видимому, во многих словах развитие *а → *у* в первых слогах было исключением, ибо в противном случае мы в диалектах ордосского типа находили бы что-нибудь вроде *урун* ← *орун* 'место' вместо реального ордосского *орон* ← *оран, а дифтонг, изображаемый в письме сочетанием букв «*о/у*» и «*и*», в определенных халхаских словах типа *ордд* 'поздно' реализовывался бы в виде *уи* (ср. *хараңуи* ← *харангбуи* 'темный') вместо реального *дд*, т. е. данное слово имело бы вид *о.уи* вместо *ордд* ← *орай, а в ордосском диалекте даже *орай → *оруи* → *уруи*, чего на самом деле нет.

Следовательно, транслитерация буквы «*о/у*» первых слогов определенных слов в виде *у* не может считаться оправданной с исторической точки зрения. А между тем при правильной транслитерации слов типа *монгол* ← *монггал* 'монгол' в исторической литературе часто встречаются случаи неправильной транслитерации в виде *орун* 'место', *орду* 'дворец, ставка' и т. п. вместо более оправданных *орон* ← *оран, *ордо* ← *орда и т. д. Конечно, при такой системе транслитерации явления типа ордосск. *урду* ← *орду* ← *орда 'дворец, ставка' или бурятск. *гуламтй* ← *булумта* ← *болумта* 'очаг' будут нуждаться в особом истолковании. Как видно, здесь дело

вает особого внимания то обстоятельство, что гласный *ö* во всех монгольских языках и диалектах является единственным, который не может быть компонентом какого-либо дифтонга или, что исторически одно и то же, находится непосредственно перед слогом *-ji-*; по-видимому, с этим же связано отсутствие в восточных бурятских диалектах фонемы *ö* (*ундур* — орфографически *ундэр* — вместо халхаск. *ондөр* ← *ондур* 'высокий').

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

Старописьменный монгольский язык (собственно диалект или диалекты, послужившие основой этого языка) долгих гласных не знает. Правда, в различных учебных пособиях поясняется, что долгие гласные в этом языке передаются соответствующими сочетаниями двух гласных букв с интервокальным согласным *-b- ~ -g-* и т. д. В действительности же такое пояснение — лишь методический прием, раскрывающий по существу соответствия долгих гласных (и дифтонгов) современных монгольских диалектов определенным сочетаниям букв старописьменного монгольского языка, которые исторически отражают сочетания же тех или иных звуков монгольской речи периода первоначального появления письменности у монголов XIII в. и позже. Конечно, такой методический прием весьма удобен и единственно возможен для школьной практики, но в лингвистическом плане он не должен искажать реальную картину, на которой показан действительный фонематический облик старописьменного монгольского языка. Здесь надо помнить, что долгие гласные в монгольских языках образовались лишь после того, как орфография старописьменного языка уже успела сложиться и принять в основном тот вид, который она имеет и в настоящее время.

Иногда указывается, что в этом языке долгие гласные *o*, *u* и *ü* обозначаются дублированным написанием одних и тех же гласных букв: *уул* (← **уул* ← **убул*) 'данный, коренной', *чоухур* (← **чочкур*) 'пестрый', *буу* (китайск. *пао* 'пушка') 'ружье', *дегүү* 'младший', *билегүү* 'точильный камень' и т. п. (соответственно халхаск. *ул*, *цохёр*, *бу*, *дү* и *билү*). Однако на самом деле в подобных словах вторые гласные буквы либо некогда передавали билабиальный *w*, либо писались для того, чтобы последний слог *-gü* читался именно таким образом, а не в виде *-кү*, т. е. чтобы вместо *дегүү* или *билегүү* соответственно не получились *декү* и *билекү* (но *билегүде* — 'точить'). В данном случае тем более не следует принимать во внимание орфографически не выдержанные написания типа *дабуу* вместо *дабу* 'песнь', появляющиеся по аналогии с написаниями типа *дегүү* 'младший'. Равным образом удвоенное написание звука

j или, что графически одно и то же, срединного *i* в словах типа *худжii*- вместо *худжиji*- 'блекнуть, бледнеть' объясняется тем, что тройное написание этого знака вообще не допускается, например, отсюда *үjile* 'деяние', в котором после знака «*ö/ү*» следовало бы написать еще *-ji-* (напомним, что знак «*ö/ү*» есть знак «*o/y*» плюс «*j*»).

В современных монгольских диалектах долгие гласные начали образовываться примерно с XIV в. в результате постепенного выпадения интервокального согласного, преимущественно *-b ~ -g-* или *-j-*¹⁵. Поэтому данные гласные, например халхаского диалекта, соответствуют сочетаниям старописьменного монгольского языка (приводятся ниже наиболее типичные случаи, знак Г обозначает «гласный») Г + *-b ~ -g-* или *-j-* + Г : 1) *ā* = *аба* или *iба*; 2) *ē* = *еге* или *иге*; 3) *ō* = *оба*; 4) *ō* = *оге*; 5) *ū* = *абу* или *iбу*; 6) *ū* = *егү* или *игү*; 7) *ī* = *игi*. Примеры: 1) *tā*- = *таба*- 'отгадывать', *na*- = *наба*- 'приклеить'; 2) *dērē* = *дегере* 'наверху', *шесē* = *сигесүн* 'урина'; 3) *tō* = *тэба* 'счет'; 4) *odō* = *огеде* 'вверх'; 5) *улā* = *абула* 'гора', *нү-* = *нибу-* 'скрывать'; 6) *улē* = *егүле* 'облако', *шүхē* = *сигүкү* 'процеживать'; 7) *чиг* = *чигиг* 'сырость'. Эти правила соответствий и примеры даны применительно к явлениям в первом слоге, так как в непервых слогах характер долгих гласных меняется в устной речи по законам сингармонизма. Кроме того, здесь не указаны образования долгих *ū*, *ū*, *ō* и *ō* соответственно от сочетаний *убу*, *үгү*, *обу* и *өгү* типа *улаг* ← *убузаб* 'молозиво', *хүдзү* ← *күджүгүн* 'шея', *цōхōң* ← *чōгүкен* 'немногочисленный', *tōdōг* ← *тобудаб* 'драхва' (птица) и другие, весьма редкие, фонетический облик которых нуждается в специальном и следовании. Сочетания *i + j + a* или *e* встречаются лишь в непервых слогах собственно монгольских слов (слова типа *ки-ja* → *х'ā* 'паж' иноязычного происхождения), а поэтому характер долгого гласного, образовавшегося в результате выпадения интервокального *-j-*, определяется по правилам сингармонизма: *хашā* ← *хасi ja 'двор', *хоршō* ← *хэрсi ja 'кооператив', *ур'ā* (орфографически *уриа*) ← *урi ja 'призыв', *улē-* ← *үлиje-* 'дуть', *долō-* (в одних диалектах) ← *долi ja → *долi ja* → *дөлō* (в других диалектах) 'облизывать'. Отметим, что такое сочетание,

¹⁵ Не следует отсюда делать вывода о том, что такого рода сочетания старописьменного монгольского языка во всех случаях соответствуют долгим гласным современных монгольских диалектов в поскольку во многих случаях интервокальные согласные *-b ~ -g-* и *-j-* древних монгольских диалектов сохранились и до сих пор, например: *баба* → *багā* 'маленький', *еиеген* → *емэггēң* 'женщина' и т. д. — в некоторых случаях показания отдельных монгольских языков расходятся: *хурубун* → халхаск. *хуру* и бурятск. *хургаң* 'палец', халхаск. *нурү* → *нирубун → *нирубун* → бурятск. *н'ургаң* 'спина, хребет', калыцк. *сү* ← *субу* → халхаск. *суга* 'подмышка', бурятск. *деггел* и ойратск. *девел* ← *дегел* ~ *дебел* → халхаск. *дөл* 'шуба', халхаск. *хэр* ← *кегер* ~ *кежер* → бурятск. *хежер* ~ *хэр* 'гнедой'.

В ойратских диалектах дифтонги развились в долгие монофтонги, в связи с чем изменилась система суффиксов родительного падежа: после долгих гласных основы однесюжного имени применяется суффикс *-jɪn*, в прочих монгольских диалектах применяемый после именных основ с долгими гласными, а после долгих гласных многосложных имен — *-n*, употребляемый в других монгольских диалектах после именных основ с конечными дифтонгами: ойратск. *дэжоран* ← *дэжируба-jɪn* → халхаск. *дэжэрогiң* 'иноходца', ойратск. *дубiн* ← *дегуу-jɪn* → халхаск. *дубiң* 'младшего', ойратск. *цабiн* ← *чай-jɪn* → халхаск. *цаёң* 'чая', ойратск. *нохан* ← *нохай-jɪn* → халхаск. *нохёң* 'собаки'.

В заключение настоящего раздела отметим, что, по мнению некоторых ученых, в монгольских диалектах после палатализованных согласных следуют не долгие гласные, а восходящие дифтонги *ia*, *io* и *iu*, например: *x'iaг* ← *kijaб* 'пырей', *дох'io* ← *дж'ja* 'сигнал', *хал'iuң* ← *халибун* 'выдра', *бар'iuл* ← *барibuл* 'ручка' (по нашему мнению, тут имеются долгие гласные, т. е. соответственно *x'aг*, *дох'o*, *хал'уң*, *бар'ул*). В связи с этим проф. Лувсанвандан в личной беседе с нами высказался в том смысле, что в монгольских диалектах палатализованные согласные являются не самостоятельными фонемами, а лишь вариантами соответствующих согласных в позиции перед гласным *ɪ*. По нашему же мнению, такого рода оппозиция согласных имеет фонематическое значение, например: *x'aг* 'пырей' — *xiг* 'пусть закроет', *хал'iuң* 'выдра' — *халуң* 'горячий'. Далее проф. Лувсанвандан полагает, что если слова с дифтонгами *ia*, *io* или *iu* разложимы таким образом, что линия морфемного деления проходит между двумя компонентами этих дифтонгов, то тогда последние представляют собой сочетания двух самостоятельных фонем. Например, в словах типа *тах'ia* 'почитающий', *дох'io* 'сигнал' и *бар'iuл* 'ручка' дифтонги *ia*, *io* и *iu* являются сочетаниями самостоятельных фонем *ɪ*, *a*, *o* и *u*, так как эти слова производны от глагольных основ *тах'ɪ-* 'почитать', *дох'ɪ-* 'давать знак' и *бар'ɪ-* 'держатъ'. Иными словами, здесь компоненты дифтонгов оказываются самостоятельными фонемами! Однако в противном случае, т. е. если мы будем иметь дело с неразложимыми морфемными единицами, те же дифтонги фонологически оказываются монофтонгами, например в словах типа *тах'ia* 'кураца', *хал'iuң* 'выдра' или *x'iaг* 'пырей', поскольку подобные слова ныне морфологически не разлагаются на составляющие их морфемы. А между тем артикуляционно и историко-фонетически дифтонги *ia*, *io* и *iu* (повторяем, по нашему мнению, долгие гласные *a*, *o* и *u*) абсолютно одинаковы во всех приведенных словах, ср., например, фонетически однотипный гласный *ia*, точнее — долгий *a*, в

омонимах *тах'иā* 'почитающий' и *тах'иā* 'курица', в фонологическом отношении интерпретируемый проф. Лувсанванданом совершенно различным образом.

СИНГАРМОНИЗМ ГЛАСНЫХ

Более или менее задний характер артикуляции некоторых согласных целиком зависит от качества смежного вокализма. Следовательно, оппозиция задних и передних согласных, например *х — к* или *б — г*, не имеет фонологического значения: в монгольском языке нет ни одной пары таких слов, которые при одинаковом составе всех своих прочих фонемах семасиологически отличались бы друг от друга благодаря подобной оппозиции согласных. Поэтому в этом языке сингармонизм звуков фонологически сводится только к гармонии гласных.

Сущность сингармонизма гласных в самом общем виде можно кратко сформулировать следующим образом: вокализм первого слога определяет вокализм непервых слогов¹⁶. Стало быть, гласные первого слога всегда находятся в релевантном положении, тогда как они в непервых слогах при известных условиях часто могут оказаться полностью нейтрализованными, т. е. лишены фонематического значения, например: *алус ~ алас* 'дальний', *улус ~ улас* 'страна' (чередование в монгольском языке гласных *у ~ а* или *а ~ у* в непервых слогах не влияет на значения приведенных слов, тогда как изменения этих же гласных в первых слогах дают разные по значению слова). Приведенное общее правило в монгольских языках конкретизируется, во-первых, делением гласных по заднему и переднему рядам, а, во-вторых, внутри каждого из этих рядов делением гласных по раствору на широкие, средние и узкие. Причем средний по раствору с фонологической точки зрения приходится условно интерпретировать широким, поскольку он по ряду составляет одномерную оппозицию с широким *а* заднего ряда — таким образом, в данном случае физиологическая классификация гласных уже расходится с фонологической. Изложение можно изобразить в таблице 3:

В эту таблицу не включен гласный *і*, фонологически являющийся в системе сингармонизма нейтральным, т. е. могущим быть в слове с любым вокализмом (он рассматривается ниже особо). Что же касается дифтонгов, то они в таблице представлены своими первыми компонентами, следовательно, например *а* надо читать также в виде *ајі* и т. д. кроме *ō*, поскольку в старописьменном монгольском языке не бывает комплекса *ōјі*.

¹⁶ Вот почему гласные непервых слогов необходимо рассматривать в связи с сингармонизмом.

концах каждого ребра куба, диагоналей каждой грани и диагоналей куба, например по ряду $a - e$, по раствору $a - \ddot{i}$ и по лабиализации $a - o$, двумерные $a - i$, $a - y$ и $a - \delta$, трехмерные $a - \ddot{y}$, $o - i$, $e - y$, $\delta - \ddot{i}$. Вместе с тем это графическое изображение однородных пропорциональных оппозиций в самых различных вариантах может представлять картину эволю ионных изменений в монгольском вокализме, перехода одних гласных в другие непосредственно или через промежуточные звенья. Одномерные и многомерные оппозиции своими крайними точками в диахроническом плане будут соответствовать однофазисным и многофазисным развитиям. Причем в отличие от синхронической схемы двухмерные

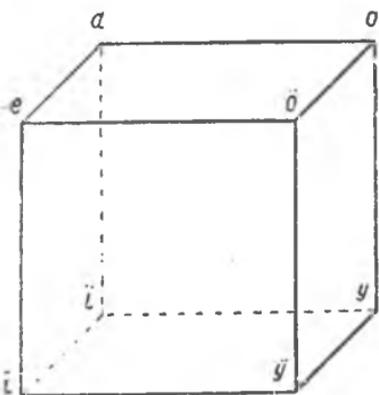

Рис. 1

и трехмерные оппозиции, соответствуя в одном монгольском языке или в одних случаях двухфазисному и трехфазисному развитиям, в другом языке или в других случаях могут оказаться соответствующими однофазисному и двухфазисному развитиям, например двухфазисное калмыцк. *бурӯ* ← *бѳрабу* ← *бѳрабу* ('двухлетний теленок') — однофазисное западнобурятск. *буру* ← *сѳрабу. Линии развития по одному из ребер куба всегда представляют собой картину однофазисной эволюции, например: *олаң* → халхаск. *олбң* 'много', а по диагонали грани куба — либо картину однофазисной же эволюции, например: *бату* → бурятск. *батѳ* 'крепкий', либо — в очень редких случаях — результат двухфазисного развития, например: *ебул* → *ѳбул* → калмыцк. *увѳл* 'зима'. Развитие же по диагонали самого куба, поскольку оно связано с переходом вокализма из одного ряда в другой, фактически места не имеет, ибо $i - o$ (единственно возможный случай движения по диагонали куба!) в словах типа *сѳабун* → ойратск. *шовун* 'птица' объясняется тем, что i в словах с вокализмом заднего ряда восходит к заднему $\ddot{i}$; следовательно, здесь с исторической точки зрения линия развития идет по диагонали не самого куба, а грани последнего. Отметим здесь же, что вообще линия развития, начавшись по одному из ребер куба, т. е. по признаку ряда, лабиализации или раствора, может продолжаться по диагонали грани куба или по другому ребру, т. е. по другому признаку, и завершиться соответственно по другому ребру или по диагонали грани куба, например: *тѳлабун → *тѳлабун → *чѳлабун* → *чолун* (завершение развития

в ойратских диалектах) → чулуң (завершение в халхаском и — шулуң — бурятских диалектах) 'камень', — здесь не указаны промежуточные звенья в образовании долгого гласного у.

Подробное графическое изложение различных эволюционных изменений в монгольском вокализме вообще, конечно, должно быть сделано в специальных исследованиях. Поэтому

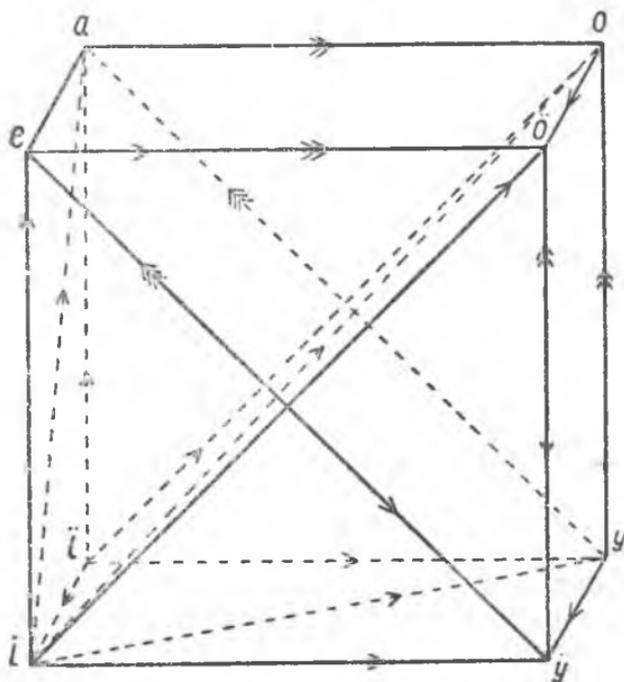

Рис. 2

здесь будет достаточно ограничиться графическим изображением эволюции монгольского вокализма с периода появления письменности (отметим лишь, что развитие заднего $\ddot{i}$ происходило незадолго до этого периода). Дело в том, что такое изображение в форме куба (рис. 2) наглядно показывает, во-первых, соответствия старописьменных гласных фонем современным монгольским халхаского типа, т. е. фактически ход эволюции этих звуков, и, во-вторых, пределы и направления однофазисной или многофазисной эволюции, т. е. крайние точки последней по ходу часовой стрелки (обратное может быть только однофазисным). Знак $>$ указывает явления регрессивной ассимиляции, а знаки $>>$ и $>>>$ показывают соответственно явления прогрессивной ассимиляции и случаи позиционных изменений факультативного характера или неповсеместного распространения.

Стройная система восьми гласных начала изменяться еще в дописьменный период в связи с исчезновением гласного заднего ряда *ĩ*, хотя написание буквы «х» перед «i» в словах *қиджабар* (*қиджабар?*) заставляет думать, что такая система вокализма была еще жива в начальный период создания монгольской письменности в XIII в. Но после того как этот гласный *ĩ* в монгольских диалектах исчез, конвергировавшись с передним *i*, старописьменный монгольский язык зафиксировал систему вокализма с тремя одномерными пропорциональными оппозициями в границах неразложимых лексических основ и двумя — в суффиксальной части слова (см. выше). Кроме того, односложные слова с гласным *i* оказались в лексической группе с вокализмом переднего ряда, причем в разных рядах оказались даже разные основы одних и тех же слов, например некоторых местоимений:

Передний ряд

bi 'я' — *мін-*
чи 'ты' — *чин-*
i 'он' — *ин-*

Задний ряд

на-, нада-, нама-
чима-
*има*¹⁹

Поэтому эти личные местоимения при падежном склонении изменяются различно: в формах родительного падежа подобно словам с вокализмом переднего ряда (*мину* 'меня', *чину* 'тебя' и *ину* 'его'), а в формах прочих падежей — подобно словам с задними гласными (*намаји* 'меня', *нада-бар* 'мною', *чима-дур* 'тебе', *имаји* 'тебя', *чима-луба* 'с тобою' и т. д.). Следовательно, транслитерацию личных местоимений в форме родительного падежа как *мину*, *чину* и *ину* нельзя признавать правильной; то, что эти формы содержат в себе гласные переднего ряда, обнаруживается в субстантивированных образованиях от этих форм в виде *минукеи* 'мое', и *чинукеи* 'твое' при *манухаи* 'наше' и *танухаи* 'ваше'²⁰.

Нарушение прежней системы сингармонизма гласных и постепенная смена ее новой были связаны не только с конвергенцией гласных *ĩ* и *i*, но и с явлением губного притяжения. Так, например, гласные непервых слогов *a* и *e* после лабиализованных соответственно *o* и *õ* развились в такие же *o* и *õ* (здесь не отмечается развитие *õ* → *õ* и *ũ* → *ũ*), а узкие *y* и *ũ* непервых же слогов после *y*, *a*, *ũ* и *e* соответственно дали *a* и *e*, а после *o* и *õ* — *o* и *õ*. Таким образом, новая монгольская система вокализма в диалектах халхаского типа суще-

¹⁹ Об этих основах см. ниже, на стр. 74.

²⁰ См. Antoine Mostaert, *Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols*, Cambridge, Massachusetts, 1953, p. 5.

ственно изменяется и в отличие от изложенной выше древне-монгольской принимает следующий вид:

Если в первом слоге имеется	то во втором слоге следует	Примеры
<i>а</i>	<i>а</i>	<i>тала</i> ← <i>тала</i> 'степь' <i>алас</i> ← <i>алус</i> 'дальний'
<i>е</i>	<i>е</i>	<i>ехё</i> ← <i>еке</i> 'мать' <i>ецёс</i> ← <i>ечүс</i> 'конец'
<i>у</i>	<i>а</i>	<i>ураң</i> ← <i>уран</i> 'искусный' <i>хуса</i> ← <i>хусун</i> 'береза'
<i>ү</i>	<i>е</i>	<i>үнең</i> ← <i>унен</i> 'правда' <i>сүрёк</i> ← <i>сүрүг</i> 'стадо'
<i>о</i>	<i>о</i>	<i>олёң</i> ← <i>олан</i> 'много' <i>тосёң</i> ← <i>тосун</i> 'масло'
<i>о̄</i>	<i>о̄</i>	<i>о̄ргёң</i> ← <i>о̄рген</i> 'широкий' <i>о̄ндё̄р</i> ← <i>о̄ндүр</i> 'высокий'

Отметим, что при определении вокализма третьего слога необходимо второй слог считать как бы первым, а третий — вторым, следовательно, гласные *у* и *ү* встречаются только в первом слоге (правда, такое развитие не является завершённым до конца, а поэтому в некоторых монгольских диалектах можно услышать, например, *хусуң* вместо *хусаң* ~ *хуса* 'береза', *о̄ндүр* вместо *о̄ндёр* 'высокий' и т. д.). Кроме того, гласные непервых слогов редуцируются в различной степени вплоть до полной утраты (например: *тала*→*тала* ~ *тал* 'степь').

Прежняя система вокализма или, точнее, сингармонизма как бы сохраняется в диалектах калмыцкого типа в том смысле, что лабиализованные гласные *о* и *о̄* могут быть только в первом слоге, — это особенно отчетливо проявляется в группе долгих гласных, так как недолгие в такого рода диалектах редуцировались до степени крайней неопределенности (может быть, поэтому в ойратском письменном языке встречаются написания типа *олон* 'много', *холо* 'далеко' или *о̄монд* 'перед' соответственно вместо *олан*, *хола* и *о̄мене?*).

Так как недолгие гласные в монгольских языках и диалектах в непервых слогах подверглись различной степени редукции, сингармонистическая система вокализма наиболее четко обнаруживается в группе долгих гласных, о развитии которых в первом слоге уже говорилось выше. В непервых же слогах эти долгие гласные образовались в результате того же выпадения интервокального согласного, что и в первом

слоге. Однако характер подобных долгих гласных полностью зависит от вокализма первого слога; впрочем, это не относится к долгим $\bar{u}$ и $\bar{u}$. Вкратце образование долгих гласных в непервых слогах можно схематически показать следующим образом: 1) сочетания *абу*, *йбу*, *егу* и *игу* соответственно по рядам всегда развиваются в $\bar{u}$ и $\bar{u}$ независимо от характера гласных первого слога, например: *хатабу*→*хату* 'твердый', *харибу*→*хар'у* 'ответ', *хוליбул*→*хол'ул* 'заставить смешивать', *медегул*→*медул* 'сообщить', *делигун*→*делун* 'селезенка', *когджигул*→*когджул* 'развивать'; 2) сочетания *уба* и *уге* после *у* и $\bar{u}$ предыдущего слога всегда дают $\bar{a}$ и $\bar{e}$, например: *суруба*→*сур $\bar{a}$* 'обучающийся', *куруге*→*хур $\bar{e}$* 'достигающий'; 3) сочетания *уба*, *уге*, *аба*, *еге*, *йба*, *иге*, *йа* и *йе* соответственно по рядам после всех гласных первого слога, кроме *у* и $\bar{u}$, развиваются в такие долгие гласные, которые подвергаются полной прогрессивной ассимиляции, например, в халхаском: *долубан*→*долон* 'семь', *оггуге*→*огд* 'дающий', *баруба*→*гар $\bar{a}$* 'выходящий', *доруге*→*дорд* 'стремя', *дараба*→*дар $\bar{a}$* 'после', *хорија*→*хорб* 'комитет', *хוליбад*→*хол'бд* 'смешав', *ирегед*→*иред* 'пришедши', *кобеге*→*хо $\bar{e}$ б* 'край, кайма' и т. д. Если гласный первого слога в результате регрессивной ассимиляции превратился в гласный *у* или $\bar{u}$ до образования долгих гласных, то сочетания *уба* и *уге* второго слога развиваются в соответствующие долгие гласные согласно изложенным правилам, т. е. в $\bar{a}$ или $\bar{e}$: *джирбубан*→*джурбубан*→*дзурган* 'шесть'. В противном же случае гласный *й* никакого влияния при этом не оказывает в том смысле, что сочетания второго и третьего слогов как бы должны считаться комплексами первого и второго слогов и развиваются в долгие $\bar{o}$ или $\bar{o}$ подобно тому, как это имеет место в словах типа *тоба*→*то* 'счет', например: *йрубал*→*йрол*→*йорол* 'дно, основание', *йругел*→*йрол*→*йорол* (бурятск. *орол*) 'благопожелание'; как видно, здесь гласный *й* подвергается регрессивной ассимиляции после образования долгих гласных (отсюда западнобурятск. *жоргон*~*йоргон*←*джиргон*~*йиргон*←*джирбубан*→*джурбубан*→восточнобурятск. *зурган*,— о междиалектных *дж*~*дз* или *ж*~*з* см. ниже в разделе о согласных).

В ойратских диалектах, как уже выше отмечено, в непервых слогах не могут быть широкие лабиализованные $\bar{o}$ и $\bar{o}$, а также и $\bar{e}$. Поэтому в диалектах этого типа в непервых слогах из долгих гласных могут быть лишь $\bar{u}$, $\bar{u}$, $\bar{a}$, $\bar{a}$ и $\bar{i}$, например: *дуту*←*дутабу* 'недостаточно', *х $\bar{a}$ ру*←*харибу* 'ответ', *медул*←*медегул* 'сообщить', *долан*←*долубан* 'семь', *оргод*←*сргугед* 'подняв', *малн*←*мал-ун* (род. пад.) 'скота' и т. д.

Таким образом, систему соответствий вокализма старописьменного монгольского языка и современных монгольских диалектов халхаского типа в самых общих чертах, исключая

отдельные явления позиционного и иного характера, можно представить в следующей таблице:

Таблица 4

Гласные или сочетания старописьменного монгольского языка	Соответствия в современных монгольских диалектах	
	в первом слоге	в непервых слогах
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i> или ¹ <i>o</i>
<i>e</i>	<i>e</i> или ² <i>o</i> , изредка ² <i>y</i>	<i>e</i> или ¹ <i>o</i>
<i>o</i>	<i>o</i> или ² <i>y</i>	нет
<i>o</i>	<i>o</i> или ² <i>y</i>	нет
<i>y</i>	<i>y</i>	<i>a</i> или ¹ <i>o</i>
<i>y</i>	<i>y</i>	<i>e</i> или ¹ <i>o</i>
<i>i</i>	<i>i</i> или <i>j+i</i> ³	<i>i</i>
<i>aɣy</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
<i>iɣy</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
<i>yɣy</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
<i>eɣy</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
<i>yɣy</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
<i>oɣa</i>	<i>o</i>	нет
<i>oɣe</i>	<i>o</i>	нет
<i>iɣi</i>	<i>i</i>	нет
<i>iɣa</i>	<i>a</i>	любой долгий гласный по правилам сингармонизма гласных, то есть в зависимости от вокализма первого слога
<i>iɣe</i>	<i>e</i>	
<i>aɣa</i>	<i>a</i>	
<i>eɣe</i>	<i>e</i>	
<i>iɣa</i>	нет	
<i>iɣe</i>	нет	
<i>yɣa</i>	нет	
<i>yɣe</i>	нет	
<i>aɣi</i> или <i>ai</i> ⁴	<i>aɣ</i>	<i>aɣ</i> или <i>oɣ</i> ¹
<i>eɣi</i> или <i>ei</i> ⁴	<i>i</i>	<i>i</i> или <i>yɣ</i> ⁵
<i>oɣi</i> или <i>oi</i> ⁴	<i>oɣ</i>	нет
<i>yɣi</i> или <i>yi</i> ⁴	<i>yɣ</i>	<i>yɣ</i> ~ <i>i</i>
<i>yɣi</i> или <i>yɣi</i> ⁴	<i>yɣ</i>	<i>yɣ</i> ~ <i>i</i>

¹ После неузких лабиализованных гласных предыдущего слога.

² В ходе регрессивной ассимиляции перед лабиализованными гласными.

³ Г — какой-нибудь гласный, являющийся результатом регрессивной ассимиляции узкого *i*.

⁴ В конце слова.

⁵ После *y* первого слога.

Представленная таблица вместе с тем показывает и картину эволюционного развития монгольского вокализма с XIII—XIV вв. до настоящего времени, так как старописьменный монгольский язык своей орфографией в общих чертах отражает состояние монгольской речи именно XIII—XIV вв.

Буква «н» передает переднеязычный звонкий носовой *n*, который никогда не встречается перед согласными *x*, *k*, *ɸ* и *g*, а в конце слова в диалектах халхаского типа отражается в виде заднеязычного *ŋ*: *алтан* = *алтāŋ* 'золотой', *алтан-дур* = *алтāндā* 'к золоту', *алтан-у* = *алтāнī* 'золота'. Будучи в слове конечным, выпадает в формах именительного, винительного, орудного и совместного падежей: *алта*, *алт.а-ji*, *алтабар* и *алта-тай*, в чем сказывается влияние устной речи халхаского типа (см. ниже о склонении имен).

Буква «нг» передает заднеязычный звонкий носовой *ŋ*, который в основе слова никогда не встречается перед гласными, а оказавшись перед таковыми в ходе словоизменения, ведет себя подобно, например, согласному *л*: *анг* 'зверь', *анг-ун* 'зверя', *анг-дур* 'зверю', т. е. не уподобляется ни согласному *n* (было бы тогда *анг-у* как в слове *алтан-у* 'золота'), ни согласному *g* (тогда было бы *анг-тур* как в слове *булаб-тур* 'к источнику', — см. ниже о склонении имен). В диалектах халхаского типа этот согласный, в конце слова и перед согласными *x* и *g* отражаясь в виде заднеязычного же *ŋ*, при словоизменении и словообразовании приспосабливается: перед согласным *n* как *g* ~ *-ŋ*, например: *ангна* = *агнā* ~ *аҗна* 'охотиться', перед гласными как *ŋ*, например: *анг-ijar* = *аҗгар* 'зверем', а перед смычными согласными в виде переднеязычного *n*, например: *анг-оур* = *андā* 'зверю'.

Буква «х» передает велярно-заднеязычный глухой проточный *x*, восходящий к велярно-заднеязычному же смычному *χ* древнемонгольского языка: *хана* ← *қана 'стена'. См. ниже о букве «т/д».

Буква «ɸ» передает велярный или велярно-заднеязычный, звонкий смычный *g*, который в среднемонгольскую эпоху (примерно в XIV—XV вв.), будучи интервокальным, начал артикулироваться как проточный, а поэтому через стадию развития в гортанный проточный же *h* постепенно стал исчезать, что и повлекло за собой образование других гласных (см. раздел об этих гласных). В современной устной речи, будучи перед глухим или конечным в слове, чаще всего артикулируется в виде глухого *g* ~ *k*: *булаḡ* ← *булаḡ* → *булак* 'источник', *аḡта* ← *аḡта* → *акта* 'мерин'.

Буква «б» передает губо-губной звонкий смычный *b*, который во многих монгольских диалектах реализуется то в виде такого же *b*, особенно перед гласными и согласным *л*, то в виде билабиального *v* или глухого *p*, особенно перед глухими согласными: *болба* = *болбḡ* ~ *болбv* 'сделался', *абта* = *апта* 'быть взятым'.

Буква «с» передает переднеязычный глухой проточный *с*, который во всех монгольских диалектах развился в шипящий *ш*, будучи в положении перед гласными *i*: *сiнe* → *шiнe* 'новый', *сiрa* → *шaрa* 'желтый'. В бурятских диалектах, будучи в конце слога или перед гласным, соответственно превратился в смычный *д* и гортанный *h*: *бoc-* → *бодд-* 'вставать', *сaрa* → *нaрā* 'луна' (однако *бocубад* = *боhōд* ~ *боддōд* 'встав').

Буква «ш» передает переднеязычный глухой шипящий проточный *ш*, в коренных монгольских словах встречающийся сравнительно редко, преимущественно в начале слова: *шoг* 'шутка'. Очень возможно, что некоторые из этих слов являются древнейшими заимствованиями из разных языков, а в других из них *ш* развился из свистящего *с* в очень давние времена. В современных монгольских языках этот звук является результатом перехода *с* → *ш* в положении перед *i*, о чем сказано выше.

Буква «т/д» передает два звука: 1) переднеязычный глухой смычный *т*, чаще всего артикулирующийся с придыханием и никогда не встречающийся в конце слога, т. е. всегда имеющийся только в положении перед гласным: *тeрe* 'тот'; 2) переднеязычный звонкий смычный *д*, в современных монгольских диалектах чаще всего стремящийся развиться в глухой *т* или произноситься без взрыва: *адху-* → *атхā* ~ *атгā-* 'схватить в горсть'.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в старом монгольском алфавите различие между согласными *т* и *д* проводится при их обозначении в тех случаях, когда эти согласные оказываются в *с* ставе суффиксов дательного-местного падежа *-тул/-дур* ~ *-тū/-дū* или когда согласный *д* оказывается в положении перед каким-нибудь другим согласным: *мал-дур* 'скоту' и *гар-тул* 'в руке', *багадху* 'уменьшаться'²¹. Встаёт, конечно, вопрос о том, почему же эти согласные звуки не обозначаются по-разному в других случаях (как и заднеязычные *х* и *б*, в ранних памятниках монгольской письменности, и *к* и *г*). В данном случае вряд ли можно ограничиться ответом в том смысле, что это вызывается недосдатками уйгурского алфавита, заимствованного монголами на рубеже XII и XIII вв. По-видимому, дело здесь в том, что при приспособлении этого алфавита к фонетической системе монгольской речи и оформлении орфографии старописьменного языка ученые своего времени учитывали междиалектные чередования типа *х* ~ *б*, *к* ~ *г* и *т* ~ *д*, чередования, наблюдаемые и в настоящее время: *туса* → *тусā* ~ *дусā* 'помощь', *хатун* → *хатāң* ~ *гатāң* (обычно такие чередования обнаруживаются перед глухими следующего слога *с*, *т*, *х*, *ц*, *ч* и *ш*). По всей вероят-

²¹ При написании заимствованных иноязычных слов согласные *т* и *д* различаются: *т* — начальным начертанием буквы «т/д», а *д* — средним.

ности, создатели старописьменной монгольской орфографии и алфавита тем самым стремились одними и теми же знаками обозначать чередующиеся звуки, чтобы представители различных племен и родов написанное могли читать применительно к особенностям своих диалектов: так в условиях эпохи донациональных литературных языков достигалось общенародное единство в письме. Характерно, что в формах дательного падежа явление *t ~ d* не наблюдается. Еще более примечательно, что в старой монгольской письменности согласные *дж* и *ј* по начертаниям различаются в срединном написании, но одинаково пишутся в начале слова. А ведь такое начальное чередование до сих пор имеется в бурятских диалектах: эхирит-булагатск. *јарггал* ← *јирбал* ~ *джирбал* → аларск. *жаргал* 'наслаждение'; как известно, и в тюркских языках подобное чередование или соответствие наблюдается именно тогда, когда звуки *ј* и *дж* ~ *ж* являются начальными. Следовательно, и здесь монгольские филологи XIII в. точно учитывали междиалектные чередования в строго определенной, начальной, позиции²².

Буквы «л» и «м» соответственно передают плавный проточный *л* и губо-губной звонкий носовой *м*, в ходе эволюционного развития монгольской фонетики не подвергшиеся существенным изменениям.

Буква «ч» передает переднеязычный глухой аффрикативный звук *ч*, который 1) в положении перед гласным *і* развился из **t*, например: *чингна-* ← **тингна-* 'слушать' ← **тингна-* → *тангна-* 'разведывать', а 2) в положении перед остальными гласными в диалектах халхаского типа или в свистящих диалектах превратился в свистящий *ц*, сохраняясь в шипящих диалектах чахарского типа, например: халхаск. *цог* ← *чоб* → чахарск. *чог* 'блеск'. Однако если гласный *і* подвергся перелому в раннее время, то имеет место *ч* → *ц*: **чихул* → *чухул* → халхаск. *цухул* ~ *цухал* 'узкий'. Следовательно, в свистящих диалектах не каждое сочетание *чи-* остается комплексом *ч* + какой-нибудь гласный. В бурятских диалектах *ч* подвергся деаффрикатизации: *чину-а* → *шонб* 'волк', *чоб* → *цог* → *сэг* 'блеск', **чихум* → *чэхум* → *цохум* → *сэхбм* ~ *сэхоб* 'точно, именно, действительно' (ср. халхаск. *цохбм* ← *чохум* ← **чихум* → *чухум* → *чухам*). Отметим, что во всех монгольских языках и диалектах свистящий *ц* не встречается в положении перед гласным *і*, если речь не идет о заимствованных словах.

Буквой «дж» передается переднеязычная звонкая аффриката *дж*, которая в положении перед гласным *і* развивалась из звонкого переднеязычного *д*, например: *аджирба* ← **адирба*

²² В лингвистической литературе иногда совершенно правильно указывается, что создатели различных алфавитов еще в древности обладали высокой фонологической культурой и были «стихийными» фонологами.

‘жеребец’, а в положении перед остальными гласными в диалектах халхаского типа превратилась в свистящую аффрикату *дз*, например: *дзам* ← *джам (ордосск. *джам*, ойратск. и бурятск. *зам*) ‘дорога, путь’. Таким образом, относительно этой согласной фонемы можно сказать то же самое, что и насчет предыдущего глухого *ч*. Однако особенность этой аффрикаты *дж* заключается в том, что она в начальном положении иногда чередуется в некоторых отдельных диалектах со среднеязычным *ј* (см. сказанное выше в связи с буквой «т/д»).

Буквой «ј» передается среднеязычный звонкий проточный согласный *ј*, который встречается лишь перед каким-нибудь гласным, а в конце слова или слога после гласного, некогда развившись из переднеязычного носового *н*, превращается как бы во второй компонент дифтонга, например, в суффиксе причастия будущего времени *-хун* ~ *-кун* → *-хунј* ~ *-кунј* → *-хуй* ~ *-куй* (→ халхаск. *-хай* ~ *-хё* ~ *-хё* ~ *-хё*). Во многих словах этот согласный в монгольских диалектах, будучи начальным, является протетическим элементом перед начальным гласным *і* независимо от регрессивной ассимиляции последнего (см. выше о букве «ј») ²³.

Буквой «к/г» передаются: 1) заднеязычный глухой смычный *к*, который во многих монгольских диалектах развился в глухой проточный *х*, а в некоторых — в аффрикату *кх* или сохраняет свое смычное качество: *керег* → халхаск. *херёг* ~ в зоне соприкосновения халхаских и ойратских говоров *кхерёг* ~ ордосск. *керек* ‘дело’; 2) заднеязычный звонкий смычный *г*, который в устной речи перед глухими и в конечном положении артикулируется чаще всего в виде глухого *г* ~ *к* (в транскрипции это в настоящем очерке вообще не отмечается): *керег* → *керёк* ‘дело’, *чечег-түэ* → *цечёгтё* ~ *цечёктё* ‘в цветке’, — в бурятских диалектах этот согласный в положении перед гласным *і* превратился в среднеязычный *ј*: *долгijan* → *дол’јоң* ‘волча’, *ерги-* → *ерјё-* ‘поворачиваться’.

Так как велярно-заднеязычные *х* и *б* встречаются лишь в словах с вокализмом заднего ряда, а заднеязычные *к* и *г* — в словах с гласными переднего ряда, то эти согласные в фонологическом смысле условно называются соответственно задними и передними, каковыми они и являются в зоне своей третьей артикуляции. Поскольку эти согласные по месту своего

²³ Вряд ли случайно, что написания букв «ј» и «і» по начертанию совпадают. В связи с этим и излагаемым любяще сравнить то, что в немецком литературном языке «*ј* скорее можно рассматривать как каллиграфический вариант гласного *і*. А это значит, что также *ј* не принадлежит системе согласных» (Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, М., 1960, стр. 80). Отметим тут же, что задолго до письменного периода *ј* развился также из таких согласных, как *б*, *г* и *н* (см. Б. Я. Владимирцов, *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия*, стр. 368).

образования находятся в строгой зависимости от более заднего или более переднего характера вокализма, постольку различие между *x* и *ɣ*, с одной стороны, и соответственно *к* и *г* — с другой, оказывается ступенчатым и само по себе не имеет никакого фонематического значения. Иными словами, члены ступенчатых пар *x — к* и *ɣ ~ г* являются аллофонами, вариантами одной и той же фонемы соответственно в границах своих пар. Здесь нельзя видеть обратной зависимости, т. е. члены вокалических одномерных оппозиций *а—е, о—ѳ, у—ү* и, для древнемонгольских диалектов, *ĩ—i* невозможно считать вариантами одних и тех же фонем. Дело в том, что в монгольских языках все согласные, кроме обозреваемых здесь согласных третьей артикуляции, не образуют каких-либо ступенчатых пар по рядам, вследствие чего деление гласных фонем по признакам ряда, заднего или переднего, имеет самостоятельное фонематическое значение. Согласные *x* и *к* или *ɣ* и *г* можно было бы признать самостоятельными фонемами в том только случае, если бы они имели смысловозначительные возможности при одном и том же вокализме.

Задние *x* и *ɣ* никогда не встречаются непосредственно перед гласным *i*, в этом смысле как бы заменяясь передними, например: *салкiн* ← *салқiн 'ветер', *анггi* 'часть, класс' и т. д. В этой связи интересно отметить, что в ойратских диалектах глухой проточный *x* вообще встречается только в словах с вокализмом заднего ряда, а смычный *к* — лишь в словах с передними гласными. Однако из этих двух правил имеются исторически вполне закономерные исключения: 1) проточный *x* встречается в словах с передними гласными в том случае, если последние развились из гласных заднего ряда под влиянием гласного *i*, например: *xүв* ← *хубi* 'часть, доля', 2) смычный *к* может находиться в словах с вокализмом заднего ряда лишь тогда, когда он находился или находится перед гласным *i*, например: *сал'кн* ← *салкiн* 'ветер'. Это говорит о том, что в ойратских диалектах существенные изменения во всем вокализме начали происходить сравнительно недавно, после того как велярно-заднеязычный смычный *к* развился в проточный *x*, и что в этих диалектах явления перелома гласного *i* стали обнаруживаться значительно позже, нежели в прочих монгольских языках.

Буквой «р» передается дрожащий плавный *р*, артикуляция которого во всех случаях весьма энергична и когорный не встречается в начале собственно монгольских слов (при заимствовании иноязычных же слов с начальным *р*- в устной речи появляется какой-нибудь протетический гласный, например: *аршан* ← санскритск. *расаджана* 'целебный источник'), в результате диссимиляции часто заменяется плавным же боковым проточным *л*, например: *барiбул* ← *барiбур* 'ручка, рукоятка',

и вместе с этим согласным нередко подвергается метатезе, например: *бурил* ~ *булїр* 'мука'.

Монгольские плавные *p* и *л* составляют пару, пропорционально соответствующую тюркской *з* и *ш* в тех словах, которые являются общими для монгольских и тюркских языков, например: монгольск. *убураб* 'молозиво' и *чїлабун* ← *тілабун* 'камень' — тюркск. *угуз* ~ *агуз* и *таш* ~ *тас*. Иными словами, монгольский дрожащий *p* по происхождению как бы оказывается звонким, а *л*, возможно, — глухим. Однако в системе склонения имен боковой *л* вследствие своей крайней плавности (?) уподобляется гласным, а дрожащий *p* благодаря своей энергичной, раскатистой, артикуляции «остаётся» звонким согласным; по-видимому, отсюда: *мал-дур* 'скоту' и *гер-тур* 'в юрте'.

Буквами «в», «ф», «п», «з», «ц», «к», «h» и «ж» соответственно передаются фонемы иноязычного происхождения в заимствованных словах, например: *вачїр* 'жест', *фабрїг* 'фабрика', *Парїс* 'Париж', *зандан* 'санда, сандаловое дерево', *цїтрон* 'цитрон', *гектар* 'гектар', *Женев* 'Женева' и т. д. Введение в алфавит этих дополнительных букв объяснимо тем, что: 1) в монгольском алфавите нет букв для передачи звуков *в*, *ф*, *п*, *h* и спирантных *з* и *ж*; 2) буква «к/г» может передавать смычный *к* лишь в словах с вкализмом переднего ряда, а между тем во многих иноязычных заимствованиях такой звук встречается в словах с задним вокализмом, например: *капїтал* 'капитал'; кроме того, фонетическое значение этой буквы — *к* или *г* — может быть известно только в составе известных, т. е. своих, слов; 3) буква «ч» в диалектах халхаского типа читается как свистящий *ц* лишь в положении перед гласным не *-i*, а в прочих диалектах — всегда как *ч*; отсюда и необходимость особой буквы для изображения свистящего *ц*. Следовательно, дополнительные буквы служат для передачи звуков, которые либо совершенно отсутствуют в монгольском языке, либо встречаются в необычной фонетической позиции.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что если глухой смычный губной *п* совершенно неизвестен в составе знаменательных монгольских слов (в данном случае, конечно, не может учитываться позиционный вариант звонкого губного *б* перед некоторыми другими согласными, например: *антā* ← *абта* 'быть взятым'), то он весьма обычен в собственно монгольских изобразительных и звукоподражательных словах типа *пампагар* ~ *памбагар* 'вспученный, мягкий и толстый', *пул* (звукоподражание падению предмета в жидкость, приблизительно переводимое по-русски словом „бултых“) и т. д.

Это явление тем более примечательно, что по крайней мере в старых иноязычных заимствованиях глухой *п* иноязычного происхождения в монгольских диалектах усваивался в ви-

де звонкого *б*, например: *б'а'звас* ← русск. 'перевоз' (о пароме), *болод* ← персидск. *пулад* и т. п. Следовательно, так называемая «неприспособленность» органов речи к артикуляции определенных звуков не является абсолютной и тотальной.

СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ

Если для большинства современных монгольских языков и диалектов характерно деление соответствующих согласных на слабые и сильные, то для старописьменного монгольского языка или, что одно и то же, монгольских диалектов прошлого более оправдано деление тех же согласных на звонкие и глухие, что и сделано в изложенном выше описании²⁴. Однако в чисто фонологическом отношении эти же фонемы подразделяются на две группы, а именно: 1) превокальные согласные и 2) непревокальные согласные (эти названия вводятся здесь весьма условно и впервые). Сущность такого деления согласных заключается в том, что превокальные согласные *х, т, ч, дж, ј* и *к* (в свистящих диалектах также *ц* и *дз* ~ *з*) никогда не встречаются перед каким бы то ни было согласным, а, следовательно, и в конце слога; иными словами, эти согласные могут находиться только перед каким-нибудь гласным. В этом плане представленная картина прямо противоположна тому, что имеется в тюркских языках, которые знают эти звуки в конечном положении, например: *керек* 'над', 'необходимо', *болат* 'сталь', *кдч* ~ *кдш* 'перекочевка' и т. д.

Что касается непревокальных согласных, то они могут находиться как перед гласными, так и после таковых, т. е. либо в начале слога, либо в конце последнего (как известно, в монгольских языках никакой согласный вообще не может оказаться в середине слога). К этим непревокальным согласным относятся *н, нг, б, г, в, д, л, м, р, с* и, в очень редких словах и единичных случаях, *ш*, из коих *ш, м, нг* и *н* не могут быть конечными в глагольных основах. Некоторые — немногие — тюркские глагольные заимствования с конечным *н* в монгольском языке обычно наращиваются «лишним» гласным *у* ~ *ү* или *а* ~ *е*, например: *хану-* 'быть удовлетворенным', *туна-* 'становиться прозрачным' и *суна-* 'растягиваться' (ср., например, киргизск. *кан-* 'удовлетвориться', *тун-* 'стать прозрачным' и *сун-* 'протягивать', — см. К. К. Юдахин, *Киргизско-русский словарь*, М., 1940, стр. 360, 450 и 517). Однако этот «лишний» гласный не обнаруживается в формах побудительного залога от основ данных глаголов, выявляя

²⁴ Впрочем, монгольские филологи эти согласные издавна делят на слабые и сильные.

тем самым их тюркское происхождение: *хангба*- 'удовлетворить', *тунгба*- 'очищать' и *сунгба*- 'растягивать' (впрочем, здесь имеются колебания: бурятск. и халхаск. *тунгаа*- и *тунаа*- 'очищать', халхаск. *сунга*- и *сунаа*- 'растягивать').

Из изложенного становится уже более ясным характер сочетаемости согласных в монгольском языке, точнее говоря, в старописьменном языке или, что одно и то же, в монгольских диалектах прошлого (в современных монгольских языках и диалектах вследствие редукции и выпадения гласных непервых слогов и влияния других языков картина сочетаемости согласных оказывается чрезвычайно гестрой и запутанной). Однако предпринятые попытки определить типы сочетаемости согласных пока не дали эффективных результатов. Дело в том, что, видимо, представляется более целесообразным устанавливать типы сочетания согласных не в составе слов вообще, а в границах и на стыках определенных морфем, из которых состоят слова. Следовательно, применительно к явлениям в монгольском языке необходимо рассматривать типы сочетаемости согласных отдельно в границах: а) ныне неразложимых лексических основ, т. е. преимущественно корневых морфем, при этом слова иноязычного происхождения учитывая в особо исключительных случаях и в строго определенных целях и прослеживая весь ход их фонетических видоизменений в соответствии с нормами данного монгольского языка; б) словообразовательных морфем, т. е. в сфере тематической морфологии, особо учитывая ныне непродуктивные или омертвелые суффиксы; в) словоизменяемых морфем, т. е. собственно грамматической морфологии, а также г) на стыках всех этих разнообразных морфем. Иначе говоря, следует проводить различие между внутриморфемными и межморфемными сочетаниями согласных (как известно, во всех монгольских языках сочетания гласных вообще не встречаются)²⁵. Кажется очевидным или, точнее говоря, возможным, что такое дифференцированное рассмотрение типов сочетаемости согласных и звуков вообще откроет определенную диахроническую последовательность подобных типов и их исторические смены.

По состоянию изученности корневых основ ныне не представляется возможным изложить в законченном виде сочетаемость согласных и ее типы в границах неразложимых лексических основ, так как этому к тому же должно предшествовать более детальное исследование самих основ как в сравнитель-

---

²⁵ Само собой разумеется, что компоненты сочетания согласных в составе слова будут относиться к различным слогам совершенно независимо от того, к какому типу морфем примыкает данное сочетание, например: *амджилта* — *амджи-лта* — *ам-джил-та* 'успех', *барулча* — *бар-улча* — *ба-рул-ча* 'выйти вместе'.

но-историческом отношении, так и в историко-этимологическом плане. Поэтому ниже приводятся лишь предварительные наброски того более существенного, что будет вскрыто в сфере сочетаемости согласных в границах ныне неразложимых лексических основ, наброски, которые всего удобнее представить в виде таблицы.

Таблица 5

Компоненты сочетания		Примеры
первый	второй	
б	д с т ч х~к	<i>хобдоб</i> 'жадный' <i>дебсе</i> 'подушка на седле', <i>тебсі</i> 'блюдо' <i>дебте-</i> 'промокнуть насквозь' <i>тобчі</i> 'пуговица' <i>дабхур</i> 'двойной', <i>тебкер</i> 'квадратный'
б~г	д дж л с т ч	<i>хабда</i> 'прошлогодня трава', <i>джігде</i> 'разом' <i>убджі</i> 'соска детская', <i>обджам</i> 'торопливый' <i>аблаб</i> 'уединенный' <i>богсе</i> 'задняя часть', <i>абсі-</i> 'вялиться' <i>абта</i> 'мерин' <i>чегче</i> 'порядок'
д	т х~к	<i>удтер</i> 'быстро' <i>удха</i> 'содержание', <i>седкіл</i> 'мысль'
л	б б~г д дж м т х~к ч	<i>елбег</i> 'изобильный' <i>ілбал</i> 'различие', <i>белге</i> 'примета' <i>елдеб</i> 'различный' <i>болджаба</i> 'срок, условие', <i>мөлджі-</i> 'глодать' <i>елмег</i> 'необученный конь; лошадь, не знающая' седла' <i>алтан</i> 'золото' <i>халха</i> 'заслон', <i>салкін</i> 'ветер' <i>алчабар</i> 'кривоногий'
м	б б~г с дж с т х~к ч	<i>јамбар</i> 'какой' <i>німген</i> 'тонкий' <i>думда</i> 'середина' <i>амджі-</i> 'успевать' <i>хомса</i> 'скудный' <i>амта</i> 'вкус' <i>хомхурасун</i> 'шелуха', <i>чімкілге</i> 'щипание' <i>чомчаб</i> 'волосы чубом'
н	д дж т	<i>анда</i> 'друг' <i>банджуба</i> 'торока', <i>көнджіл</i> 'одеяло' <i>хантар-</i> 'натягивать туго'

Компоненты сочетания		Примеры
первый	второй	
нг	б~г х~к с	<i>чингба</i> 'сильный', <i>кӧнггэн</i> 'легкий' <i>мангхан</i> 'бархан', <i>енгке</i> 'мир, спокойствие' <i>енгсе-</i> 'сильно желать, вожелеть'
р	б б~г д дж л м н с т х~к ч	<i>арбабар</i> 'косматый' <i>арба</i> 'способ', <i>ерги</i> 'берег, яр' <i>хурдун</i> 'быстрый' <i>күрдже</i> 'лопата', <i>урджинач</i> 'позапрошлый год' <i>ӧрлуге</i> 'утро' <i>ӱрмег</i> 'борт' <i>сарни-</i> 'рассыпаться' <i>дурсу</i> 'форма', <i>урсиб</i> 'плохое следствие' <i>урту</i> 'длинный' <i>дархан</i> 'мастер', <i>берке</i> 'трудный' <i>арчи</i> 'вытирать'
с	х~к	<i>асха-</i> 'выливать', <i>еске-</i> 'кронть, резать', <i>му-</i> <i>ски-</i> 'крутить'

Следовательно, в приведенной таблице представлено около 50 различных типов сочетаний согласных внутри неразложимых лексических основ. Конечно, этот перечень пока не может считаться абсолютно полным, хотя и включает в себя наиболее характерные и распространенные типы сочетаний согласных, поскольку в данном случае речь идет о знаменательных и служебных словах (звукоподражательные и изобразительные слова в этом отношении стоят обособленно).

В границах словообразовательных морфем встречаются следующие сочетания согласных: а) звонкий + глухой, например, в имяобразующих суффиксах *-стур*, *-бкі*, *-бчі*, *-гчі*, *-мсіг*, *-мсүг*, *-мта*, *-мтабаі*, *-лта*, *-нгхай*, в глаголообразующих (включая сюда и залогообразующие) *-рха* и *-лча*; б) звонкий + звонкий, например, в имяобразующих суффиксах *-лга*, *-мджи*, *-нггі*, *-нггүі*, в глаголообразующих суффиксах *-лджа*, *-балджа* ~ *-балджа*, *-лба*, *-лду* и *-бда*. Таким образом, из 95 приблизительно учтенных в настоящем очерке²⁶ словообразовательных суффиксов в 22 имеется 16 типов начальных сочетаний согласных.

²⁶ См. в разделах о словообразовании и образовании залогов, где все суффиксы даны в их различных огласовках.

В границах словоизменительных морфем сочетания согласных представляют неодинаковую картину. В составе падежных суффиксов такие сочетания совершенно отсутствуют так же, как и в суффиксах образования форм множественного числа и различных групп числительных. В границах же 32 разных суффиксов, образующих от основы глагола такое же количество форм последнего, имеются всего лишь 4 типа сочетаний согласных в следующих 6 суффиксах: а) звонкий + звонкий, например: *-нгбуд*, б) звонкий + глухой, например: *-бтун*, *-бсан*, *-бсабар*, *-бчи* и *-мабча*²⁷.

Следовательно, из более 150 различных словообразовательных и словоизменительных суффиксов лишь в 28 имеются всего 20 типов сочетаний согласных, а именно:

Таблица 6

Звонкие + звонкие	Звонкие + глухие	
<i>нгб ~ нгг</i>	<i>нгх ~ нгк</i>	<i>бч</i>
<i>бд ~ гд</i>	<i>бс ~ гс</i>	<i>лт</i>
<i>лб ~ лг</i>	<i>бт ~ гт</i>	<i>лч</i>
<i>лд</i>	<i>бч ~ гч</i>	<i>мс</i>
<i>лдж</i>	<i>бх ~ бк</i>	<i>мт</i>
<i>мдж</i>	<i>бт</i>	<i>рх ~ рк</i>

Теперь приступим к рассмотрению типов межморфемного сочетания согласных, т. е. сочетания конечного основы слова и начального каких-нибудь суффиксов. Прежде всего отметим, что если суффикс уже содержит начальное сочетание согласных, то во избежание стечения трех согласных между основой слова и суффиксом вставляется соединительный гласный *у ~ ү*, например: *олулча-* (*ол-у-лча-*) 'находить вместе', *бајібулулба* (*бајібул-у-лба*) 'организация', *бсүлте* (*бс-ү-лте*) 'рост'. Равным образом, во избежание стечения двух согласных в конце слова, между основой слова и суффиксом, состоящим лишь из одного согласного, вставляется этот же гласный *у ~ ү*, например: *барул* (*бар-у-л*) 'возникновение, происхождение'. Этот же соединительный гласный применяется и тогда, когда конечный согласный основы слова и начальный согласный суффикса оказываются такими звуками, стечение или сочетание которых никоим образом не допускается вообще или возможно в ограниченных случаях²⁸, например: *босуга* (*бос-у-га*) 'встающий'.

²⁷ См. раздел об изменении глагола.

²⁸ Так, например, во всей системе межморфемных сочетаний согласных возможность непосредственного стыка звонкого *б ~ г* с любым предыдущим согласным исключается, правда, кроме одного единственного случая в образовании одной из форм побудительного залога: *барба-* 'вывести' и *болба-* 'сделать' соответственно от *бар-* 'выйти' и *бол-* 'сделаться'.

Типы межморфемного сочетания согласных — конечного основы слова и начального соответствующих суффиксов — могут быть изложены в представляемой ниже таблице (z и x соответственно следует читать б ~ z и x ~ к).

Таблица 7

Межморфемные сочетания согласных при образовании									
форм глагола	форм падежей	имен	залогов	глаголов	форм глагола	форм падежей	имен	залогов	глаголов
	нт нд нл	нт нл нч		нт нд нл		гл	гл		гл гдж
				ндж нгн нгт нгд нгл	бх бб бс бт бд	бт	бт	бт	бс бт бд бл бч
гх гб гс гт гд гч дх дб дс дт дд дч	нгт нгд нгл	нгт нгл нгч		бч сх сб сс	бч сх сб сс	бл	бч сх сб	сх	сс ст сд сл сч
лх лб лс лт лд	гт	гп гч дх об	гт	гс гт гд гч	сч	ст	ст		ст сд сл сч
лдж		дх об	дх	дс дт дд дл дч ддж	рх	сл	сл сч		мн мс мт мд мл мч мдж
	дт	дт		дс дт дд дл дч ддж	рх	мт мд мл	мт		мн мс мт мд мл мч мдж
	дл	дл дч		дл дч ддж	рх	мч	мч		мн мс мт мд мл мч мдж
		лх лг лб	лг	лс лт лд лл лч лдж	рб рс рт рд рч			рг	
	лт лд лл	лт лт лч лдж	лт лд	лс лт лд лл лч лдж	рб рс рт рд рч	рт	рс рт рд рч	рт	рс рт рд рл рч рдж
		лч лдж		лс лт лд лл лч лдж	рч	рл	рч		рл рч рдж

При внутриморфемном и межморфемном сочетаниях согласных, как выше уже отмечено, возможно стечение лишь двух согласных, ибо трехконсонантность устраняется при помощи вставного гласного у~у. При межморфемном сочетании соглас-

ных первый из них оказывается конечным основой, а второй — начальным какого-нибудь суффикса. Стало быть, первый и второй компоненты сочетания согласных относятся друг к другу как присоединяющий и присоединяемый.

При рассмотрении различных типов сочетаний согласных необходимо проводить строгое различие между характером, с одной стороны, и возможностью такого рода сочетаний фонем, с другой. Характер сочетания согласных — под этим здесь разумеется обязательность известного сочетания определенных фонем — полностью зависит от природы присоединяющего компонента и предполагает наличие обусловленных алломорф, т. е. различных вариантов суффиксов, преимущественно по корреляции звонкости²⁹. Возможность же или, наоборот, невозможность того или иного сочетания согласных зависит только от природы присоединяемого компонента, тогда как при этом природа присоединяющего компонента никакого значения не имеет. Следовательно, сочетания согласных, которые вообще возможны, могут быть подразделены на 1) свободные, т. е. относительно не зависящие от чего бы то ни было, и 2) обусловленные, т. е. возможные или обязательные при определенных фонетических и позиционных условиях. Причем довольно часто оказывается, что какое-либо сочетание, допустимое в границах морфем одного рода, совершенно не встречается в границах морфем другого рода или на стыках различных морфем.

Прежде всего необходимо выделить ограничения, которые являются общими для всех типов сочетания согласных и сводятся к тому, что во всех этих сочетаниях: 1) никоим образом не встречается среднеязычный *j*³⁰; 2) из глухих согласных лишь спирант *c* может быть первым компонентом, поскольку другие глухие никогда не бывают конечными фонемами слога; 3) в качестве первого компонента не может выступать, конечно, любой из превокальных согласных, поскольку все они не могут быть конечными в слоге; 4) в качестве второго компонента никогда не встречаются плавный *p* и заднеязычный *ng*, ибо последний не может находиться в положении перед любым гласным; отметим здесь же, что сочетания согласных всегда представляют собой части комплекса ССГ или ГССГ (Г — гласный, С — согласный); 5) не допускаются сочетания *нн*, *мм*, *рр*, *бб* ~ *гг*, *дб* ~ *дг*, *сб* ~ *сг* и *бб* ~ *бг*.

Представленные выше данные говорят о том, что сочетания согласных внутри неразложимых лексических основ в принципе

²⁹ Здесь и ниже имеется в виду алломорфность суффиксов по признаку консонантности, ибо в монгольском языке почти все суффиксы по условиям сингармонизма гласных являются алломорфными; немногие исключения составляют лишь суффиксы, состоящие либо из одного согласного, либо из одного согласного с нейтральным гласным *-i*.

³⁰ В бурятских диалектах сочетание согласного с *j* является результатом развития слога *gi* → *ji*, например: *epjē* ← *epgi* 'берег'.

совпадают с таковыми в границах межморфемных сочетаний при образовании имен и глаголов. По-видимому, такое совпадение не является случайным, так как здесь возможно предположение о том, что в монгольских языках неразложимые лексические основы неодносложного типа генетически восходят к соединениям либо полисинтетического характера, либо агглютинативного с омертвелыми морфемами. Это в некоторой степени относится и к сочетанию согласных внутри словообразующих морфем. При этом надлежит иметь в виду, что ведь в монгольских языках, во-первых, вполне обычны и известны составные суффиксы, а, во-вторых, начальные сочетания согласных вообще не допускаются в лексических основах. В этой связи и примечательно, что во всех сочетаниях согласных в качестве их первых компонентов ни в одном случае не выступают превокальные согласные, которые, как уже говорилось, не могут быть ни в конце слога, ни перед согласными вообще.

Наиболее характерным и существенным в сочетаниях согласных, образующихся в границах неразложимых лексических основ и суффиксов словообразования и на стыках при производстве имен и глаголов, является отсутствие какой бы то ни было обусловленности и всяческих ограничений кроме оговоренных выше общих; иначе говоря, здесь сочетания согласных оказываются свободными³¹. Сказанное находит свое выражение в том, что в таких комплексах их вторым компонентом может быть как звонкий, так и глухой согласный. Поэтому здесь примерно из 75 учтенных выше возможных вариантов сочетаемости согласных нет только трех: *бх~гк*, *бб~гб* и *бб*.

Немногие сочетания согласных в границах словоизменятельных суффиксов — *нгг*, *бс~гс*, *бт~гт*, *бч~гч* и, в старых памятниках монгольской письменности, *дх~гк* — независимы в позиционном отношении, иначе говоря, в этих суффиксах нет алломорфности, если не считать корреляций по рядам. Следовательно, сочетания согласных здесь аналогичны в принципе тому, что изложено выше.

Совершенно иначе обстоит дело в межморфемных сочетаниях согласных при образовании падежных, залоговых и глагольных форм. Здесь, хотя и не во всех формах, прежде всего бросается в глаза то, что если первыми компонентами межморфемного сочетания согласных оказываются *б~г*, *б*, *д*, *с* и *р*, то в качестве вторых компонентов не допускаются звонкие *д*, *дж* и *б~г*, вместо которых соответственно выступают глухие *т*, *ч* и *х~к*. Однако сказанное относится лишь к тем межморфемным сочетаниям, которые образуются тогда, когда к

³¹ Возможно, что здесь единственное исключение составляет глаголообразующий суффикс *-на ~ -не*, если этот суффикс действительно является позиционным вариантом глаголообразующей морфемы *-ла ~ -ле* (см. в разделе об образовании глаголов).

соответствующим основам слов наращиваются суффиксы, представляющие собой совокупность алломорф, например, страдательного залога *-да~-та*, побудительного залога *-ба~-ха*, дательного-местного падежа *-дур~-тур*, соединительного деепричастия *-джу~-чу* и изъявительной формы прошедшего времени неожиданного действия *-джухуи~-чухуи*. Поэтому встречаются такие «противоречия», как, например: *бостубаи* 'пусть встанет', *босдаб* 'имеющий обыкновение вставать' и *нэм-таи* 'имеющий книгу', с одной стороны (при отсутствии алломорф вроде *-тубаи~-дубаи*, *-даб~-таб* и *-таи~-даи*), а, с другой стороны, *босчу* 'вставая' и *нэм-дур* 'в книге' (соответственно при алломорфах *-чу~-джу* и *-дур~-тур*). Следовательно, сочетание первого компонента, каковым может быть только непреходящий согласный, со следующим звонким согласным, будучи допустимым в одном случае, оказывается невозможным в другом.

Только что изложенное является общим для всех межморфемных сочетаний с участием падежных, залоговых и глагольных форм. Специфическим же в системе падежного склонения является то, что начальный *б* суффикса возвратного притяжания *-бан* не может сочетаться с любым конечным согласным предыдущей морфемы (основы имени или падежного суффикса), а потому в этих случаях применяется другой алломорф данного суффикса *-ијан*: *мал-дур-ијан* 'своему скоту', однако *мал-и-бан* 'свой скот' (см. в разделе о склонении имен). Здесь же обращает на себя внимание возможность межморфемного сочетания со вторым компонентом *л*, например: *мал-луба* 'со скотом', *нэкуэ-луге* 'с другом', *екес-луге* 'с матерями' и т. д., хотя такое сочетание не допускается, когда согласный *л* оказывается начальным суффикса какой-нибудь глагольной формы.

В границах межморфемного сочетания согласных с участием залоговых суффиксов весьма характерным является сочетание *л* и *р* со звонким *б~г*, например: *болба-* 'сделать' и *барба-* 'вывести', хотя во всех прочих межморфемных сочетаниях этот звонкий *б~г* никогда не выступает в качестве их второго компонента (возможность непосредственного стыка устраняется вставным гласным *у~ю*, о чем выше уже говорилось). Но этот единственный случай возможности данного межморфемного сочетания связан с единственным же случаем, когда звонкий *б~г* оказывается аллофоном наряду с глухим *х~к* в алломорфах побудительного залога *-ба~-ге* (после *р* и *л*) *~-ха~-ке* (после *б*, *с* и *д*: *абхабул-* 'заставить брать', *босха-* 'поднимать' и *јекедке-* 'увеличить') — другого такого же случая в монгольском языке нет.

В границах межморфемного сочетания согласных при образовании форм глагола крайне примечательно то обстоятельство, что если начальными согласными суффиксов этих форм оказы-

ваются *м, н, ɸ~ɣ, л, ʃ* или *р* (*монгол-ijар* 'по-монгольски' — так учащиеся запоминают эти шесть согласных!), то возможность их непосредственного стыка с конечным согласным основы глагола исключается и устраняется при помощи вставного гласного *у~ү*, о чем см. в разделе об изменении глагола, где даны примеры спряжения глагольной основы *бар-* 'выйти'. Иными словами, здесь согласные *м, н, ɸ~ɣ, л, ʃ* и *р* не могут быть вторыми компонентами в данном типе межморфемного сочетания согласных. А между тем согласные *м, н, ɸ~ɣ* и *л* в прочих типах сочетания согласных могут выступать в качестве их вторых компонентов, а среднеязычный *ʃ* и плавный *р* вообще не встречаются в подсобной позиции.

В настоящее время трудно объяснить, в силу каких причин сочетания согласных внутри неразложимых лексических основ, словообразующих суффиксов и на стыках этих морфем оказываются свободными, тогда как межморфемные сочетания согласных при образовании падежных, залоговых и глагольных форм являются ограниченными или обусловленными. Однако кажется несомненным, что здесь наличествуют явления различного типологического состояния, относящиеся к разным периодам исторического развития монгольской речи. В этой связи нельзя не упомянуть того, что генезис составных словоизменительных суффиксов монгольских—и вообще алтайских—языков является более прозрачным, нежели происхождение составных же суффиксов словосложения (конечно, здесь не имеются в виду некоторые наивные попытки возведения этих морфем к знаменательным словам современных языков). Следовательно, вполне возможно, что обусловленность и ограниченность сочетания согласных появились в более позднюю эпоху, нежели относительно свободные сочетания тех же звуков в сфере словообразования.

Конечно, дальнейшие и более специальные исследования сочетаемости согласных должны выявить еще многое, в частности, в сфере некоторых отдельных исключений типа *баруджа* 'расход, убыток' вместо ожидаемого *барджа* при *олджа* 'добыча', *салси үгеи* 'неотделимый' вместо ожидаемого *салси үгеи* и т. д.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Как уже говорилось, старописьменный и новый литературный языки монголов являются двумя формами функционирования современного монгольского национального языка. Поэтому вся грамматическая система этого языка также представлена в двух письменных формах, по существу имея одно и то же

содержание. Конечно, грамматические формы старописьменного монгольского языка в XIII—XIV вв. имели значения, существенно отличающиеся от тех значений, которые эти формы имеют в настоящее время. Само собой разумеется, что изложение изменения различных значений грамматических форм должно составить предмет исторической грамматики монгольского языка вообще, для создания которого время еще не настало. В рамках же настоящего очерка надлежало представить описание грамматической системы старописьменного монгольского языка в том виде, какой она имеет в настоящее время. Поскольку же в упоминавшемся выше нашем очерке «Современный монгольский язык» эта грамматическая система с точки зрения ее содержания и новой фонетико-орфографической формы уже описана, постольку ниже окажется достаточным ограничиться изложением этой системы лишь в морфонологическом плане.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Лексика и средства ее пополнения в старописьменном монгольском языке не могут быть иными, нежели в современном монгольском языке. Поэтому здесь представляется возможным остановиться только на изложении тематической морфологии старописьменного монгольского языка, т. е. преимущественно на описании словообразовательных суффиксов этого языка. Дело в том, что специальное исследование этих суффиксов именно в их орфографическом оформлении старописьменного монгольского языка представляет особый интерес в морфологическом отношении, если при этом иметь в виду исторический аспект такого изучения. Объясняется это тем обстоятельством, что этот язык со своими орфографическими особенностями в наибольшей степени отражает то общее, что объединяет все современные монгольские языки, некогда местные или племенные диалекты единого монгольского языка. Сказанное относится преимущественно к вокализму словообразовательных суффиксов, в значительной степени отражающему и характеризующему вокализм непервых слогов вообще. Изучение же последнего существенным образом должно способствовать пониманию важнейших черт так называемого сингармонизма и соотношения фонем, фонетических оппозиций в монгольских языках.

ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

Имена, или именные основы, образуются от глагольных и именных же основ посредством наращивания соответствующих суффиксов, специфическое значение каждого из которых приблизительно можно будет видеть из переводов приводимых ни-

же примеров; ради краткости эти примеры будут даваться лишь по одному на каждый имяобразующий суффикс.

От именных основ имена же образуются посредством следующих суффиксов: 1) *-тур ~ -тур* — *харабтур* 'черноватый' от *хара* 'черный'; 2) *-бир* — *чабабир* 'беловатый' от *чабан* 'белый'; 3) *-бур ~ -бур* — *көкебур* 'синеватый' от *көке* 'синий'; 4) *-ски* — *усубки* 'водянистый' от *усун* 'вода'; 5) *-бчи* — *хурубубчи* 'наперсток' от *хурубу* 'палец'; 6) *-чин ~ -чин* — *еријегчин* 'пестрая' (о масти самки животных) от *еријен* 'пестрый'; 7) *-ду ~ -ду* — *амиду* 'живой' от *амин* 'жизнь'; 8) *-джин* — *бунаджин* 'трехлетняя' (о самке животных) от *бунан* 'трехлетний' (о самце животных); 9) *-либ ~ -либ* — *бајалиб* 'богатство' от *бајан* 'богатый', *михалиб* 'мясистый' от *миха* 'мясо'; 10) *-мсуб ~ -мсуб* — *бојомсуб* 'щеголеватый' от *бојо* 'нарядный'; 11) *-рхаб ~ -ркег* — *еджеркег* 'захватнический' от *еджен* 'хозяин'; 12) *-саб ~ -сег* — *михасаб* 'мясоед' от *миха* 'мясо'; 13) *-тан ~ -тен* — *джигуртен* 'пернатые' от *джигур* 'перо, крыло'; *Бадматан* «бадмаевцы» (члены семьи *Бадмы*); 14) *-ту ~ -ту* — *насуту* 'пожилой' от *насун* 'возраст', — под влиянием устной народной речи имена на *-ту ~ -ту* как бы заменяются именами в совместном падеже, например: *насутаі* 'пожилой', *усутаі* 'водный', 'имеющий воду'; 15) *-хаі ~ -кеі* — *балархаі* 'темный' от *салар* 'темнота'; 16) *-хан ~ -кен* — *нигекен* 'только один, единственный' от *ниген* 'один', *бабахан* 'малюсенький' от *баба* 'маленький'; 17) *-кі* — *ендекі* 'здешний' от *енде* 'здесь'; при помощи этого суффикса прилагательные образуются от наречий и некоторых имен в дательном-местном падеже по нормам устной речи, например: *гертекі* 'находящийся дома' от *герте* 'в доме'; 18) *-чи ~ -чин* — *емчи* 'лекарь' от *ем* 'лекарство', *темегечин* 'пастух верблюдов' от *темеген* 'верблюд'. Суффиксы 1, 2, 3, 6 и 8 фактически являются уже непродуктивными.

От глагольных основ имена образуются при помощи следующих суффиксов: 1) *-бурі ~ -бурі* — *табабурі* 'загадка' от *таба-* 'гадать', *тегебурі* 'кладь' от *тегеге-* 'класть', позиционно и в единичных случаях *-мурі ~ -мурі* — *көделмурі* 'труд' от *көдел-* 'трудиться, двигаться'; 2) *-б ~ -г* — *бичіг* 'письмо' от *бичі-* 'писать'; 3) *-бан ~ -ген* — *идеген* 'пища' от *иде-* 'кушать'; 4) *-бачі ~ -гечи* — *медегечи* 'знаток' от *меде-* 'знать'; 5) *-бу ~ -гү* — *хатабу* 'твердый' от *хата-* 'сохнуть'; 6) *-бул ~ -гүл* — *харабул* 'карзун' от *хара-* 'смотреть'; 7) *-бур ~ -гүр* — *елгүр* 'вешалка', *барібул* (вместо *барібур*) 'ручка' от *барі-* 'держать'; 8) *-бурі ~ -гүрі* — *еджелегүрі* 'владение' от *еджеле-* 'владеть', *сурбабулі* (вместо *сурбабурі*) 'училище' от *сурба-* 'учить'; 9) *-дал ~ -дел* — *бајидал* 'состояние' от *бајі-* 'быть'; 10) *-дун ~ -дүн* — *иніједүн* 'смех' от *иніје-* 'смеяться'; 11) *-джа ~ -дже* — *олджа* 'добыча' от *ол-* 'найти'; 12) *-л* — *медел* 'знание' от *меде-* 'знать'; 13) *-лба ~ -лге* — *барілба*

‘стройка’ от *барі-* ‘строить’; 14) *-лта ~ лте* — *немелте* ‘прибавление’ от *неме-* ‘прибавить’; 15) *-ланг ~ -ленг* — *хадуланг* ‘покос, уборка’ от *хаду-* ‘косить, жать’ (но: *таріјаланг* — во избежание гаплогонимии *таріјалаланг?* — ‘земледелие’ от именной основы *таріја* ‘хлеб в зерне’); 16) *-лі* — *сабали* ‘молоко’, ‘удойность’, ‘дойный скот’ от *саба-* ‘доить’; 17) *-м* — *алхум* ‘шаг’ от *алху-* ‘шагать’; 18) *-ма ~ -ме* — *ангбајима* ‘такой, что рот раскрывается (о жаре)’ от *ангбаји-* ‘раскрывать’; 19) *-маб ~ -мег* — *егедемег* ‘заквашенное молоко’ от *егеде-* ‘закваситься’; 20) *-мабаі ~ -мегеі* — *олумабаі* ‘находчивый’ от *ол-* ‘найти’; 21) *-мал ~ мел* — *тобтамал* ‘постоянный’ от *тобта-* ‘устанавливаться’; 22) *-мар ~ мер* — *абумар* ‘такой, что надо взять’ (по существу это образование под влиянием устной народной речи является причастной формой, способной управлять всеми падежами); 23) *-мджи* — *илбамджи* ‘различие’ от *илба-* ‘различать’; 24) *-мі* — *ухумі* ‘изогнутый резец’ от *уху-* ‘копать’; 25) *-мсіб ~ -мсиг* — *бајихамсиг* ‘удивительный’ от *бајиха-* ‘удивляться’; 26) *-мта ~ -мте* — *баримта* ‘доказательство, документ’ от *барі-* ‘держать’; 27) *-мтабаі ~ -мтегеі* — *мартамтабаі* ‘забывчивый’ от *марта-* ‘забывать’; 28) *-н* — *набадун* ‘игра’ от *набад-* ‘играть’; 29) *-нг* — *егеденг* ‘кашица, клейстер’ от *егеде-* ‘закваситься’; 30) *-нггі* — *собтанггі* ‘быстро пьянеющий’ от *собта-* ‘опьянеть’; 31) *-нгбуі ~ -нггүі* — *делгеренггүі* ‘распространенный, подробный’ от *делгере-* ‘распространяться’; 32) *-нгхай ~ -нгкеі* — *еченгкеі* ‘усталый’ от *ече-* ‘уставать’; 33) *-р* — *белчир* ‘место слияния рек, перекресток’ от *белчи-* ‘разливаться’; 34) *-рі* — *немері* ‘добавка’ от *неме-* ‘прибавить’; 35) *-с* — *алдас* ‘потеря’ от *алда-* ‘терять’; 36) *-сі* — *уубусі* ‘питье’ от *уубу-* ‘пить’, *кебтесі* ‘лежанка’ от *кебте-* ‘лежать’; 37) *-сун ~ -сүн* — *көгесүн* ‘пена’ от *көге-* ‘пениться, взбухать’, — посредством этого суффикса многочисленные имена образованы в очень давние времена от омертвелых ныне основ, например: *часун* ‘снег’ от *ча-*, *джибасун* ‘рыба’ от *джиба-* и т. д.; 38) *-басун ~ гесүн* — *хадабасун* ‘гвоздь’ от *хада-* ‘вколачивать, вбивать’; 39) *-дасун ~ -десүн* — *чабчидасун* ‘щепки’ от *чабчи-* ‘рубить’; 40) *-хуланг ~ -күленг* — *чадхуланг* ‘сытость’ от *чад-* ‘насытиться’; 41) *-ча ~ -че* — *барича* ‘подношение’ от *барі-* ‘подносить’. Многие из перечисленных суффиксов (2, 5, 9, 10, 11, 16, 17, 19, 24, 28, 29, 33, 34, 35, 37, 38, 39 и 41) надо признать суффиксами непродуктивными.

Кроме того, некоторые имена образованы от омертвелых основ при помощи следующих суффиксов, давно уже являющихся непродуктивными: 1) *-гаі ~ -геі* — *хаджабаі* ‘кривой’ от *хаджа-*; 2) *-бар ~ -гер* — *сертегер* ‘взъерошенный’ от *серте-*; 3) *-гір* — *буджигір* ‘курчавый’ от *буджи-*; 4) *-хай ~ -кеі* — *тасурхай* ‘разорвавшийся’ от *тасур-*. От подобных омертвелых

основ имеются производные глаголы соответственно *хаджай-* 'кривиться', *сертеi-* 'взъерошиться', *буджii-* 'курчавиться', *тасура-* 'разорваться'.

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

От различных именных основ образуются глаголы при помощи следующих суффиксов: 1) *-д* — *уртуд-* 'удлиняться' от *урту* 'длинный'; 2) *-да ~ -де* — *дегеремде-* 'грабить' от *дегерем* 'грабеж'; 3) *-джи* — *сајаджі-* 'обогащаться' от *бајан* 'богатый'; 4) *-джира-* ~ *-джире* — *сајіджіра-* 'улучшаться' от *сајін* 'хороший'; 5) *-л* — *субул-* 'выдернуть' от *субу* (непереводимое наречие для выражения резкого движения при выхватывании чего-либо); 6) *-ла ~ -ле* — *алтала-* 'позолотить' от *алтан* 'золото', *мекеле-* 'обманывать' от *меке* 'обман'; 7) *-на ~ -не* — *кемне-* 'измерять' от *кем* 'мера', *ангна-* 'охотиться' от *анг* 'зверь' (этот суффикс в сущности является позиционным вариантом предыдущего *-ла ~ -ле* при образовании глагольных основ от именных с конечным согласным *м* или *нг*, впрочем, встречаются *емле-* вместо *емне-* 'лечить', *номла-* 'учить, проповедовать' соответственно от *ем* 'лекарство' и *ном* 'книга, учение'); 8) *-ра ~ -ре* — *үгејіре-* 'обеднеть' от *үгеi* 'нет, без', *харала-* (вместо *харара-*) 'чернеть' от *хара* 'черный'; 9) *-рха ~ -рке* — *јекерке-* 'чваниться' от *јеке* 'большой'; 10) *-сі* — *оросi* 'поместиться, заселять' от *орон* 'место, местность, страна'; 11) *-сіја ~ -сіје* — *јекесіје-* 'считать большим, чем нужно' от *јеке* 'большой', *мабусіја-* 'хулить' от *мабу* 'плохой'; 12) *-та ~ -те* — *буджарта* 'оскверняться' от *буджар* 'грязь, мерзость'; 13) *-чила ~ -чиле* — *тарбаҗачила-* 'охотиться на сусликов' от *тарбаган* 'суслик, тарбаган'. Все перечисленные суффиксы являются продуктивными.

От некоторых звукоподражательных или изобразительных слов образуются соответствующие глаголы при помощи следующих немногих суффиксов: 1) *-гина ~ -гине* — *ханггина-* 'звенеть, брякать' от *хан* (звукоподражание звону чего-либо металлического); 2) *-кіра ~ -кіре* — *хасгіра-* 'кричать' от омертвелой основы *хас*; 3) *-чигина ~ -чигине* — *тарчигина-* 'дребезжать, трещать' от звукоподражания *тар*.

От глагольных основ образуются вторичные глагольные же основы, в своих значениях имеющие преимущественно видовые оттенки, при помощи следующих суффиксов: 1) *-балджа ~ -белдже* — *анібалджа-* 'мигать' от *ані-* 'зажмурить, закрыть глаза'; 2) *-балджа ~ -гелдже* — *санабалджа-* 'грезить, мечтать' от *сана-* 'думать, вспоминать'; 3) *-лджа ~ -лдже* — *ангбалджа-* 'разевать рот', перен. 'болтать чепуху' от омертвелой основы *ангба-* (при *ангбајі-* 'открывать рот, открываться, зиять'); 4) *-ні-* — *дjobані-* 'горевать, скорбеть, тревожиться'

от *джоба-* 'страдать, мучиться'; 5) *-ра ~ -ре* — *бабура-* 'стигать, приходиться в упадок' от *бабу-* 'спускаться, снижаться'; 6) *-ча ~ -че* — *хολіча-* 'смешиваться' от *хολі-* 'смешивать'. Все суффиксы образования вторичных глагольных основ являются непродуктивными (см. также раздел об образовании видовых основ глагола).

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ

В старописьменном монгольском языке все именные части речи — имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные — в основном обладают теми же лексико-семасиологическими и грамматическими свойствами, что и в современном монгольском языке³², а поэтому ниже, не входя в их подробное рассмотрение, достаточно будет ограничиться описанием суффиксальной морфологии. Необходимо лишь напомнить, что в монгольских языках вообще имена изменяются по формам числа и падежа, показатели когорых — суффиксы — наращиваются к основе изменяемого имени, причем суффикс числа всегда предшествует суффиксу падежа.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

В старописьменном монгольском языке имеется единственное и множественное число. Форма множественного числа выражается при помощи различных суффиксов, применение каждого из которых зависит от принадлежности имен к соответствующим группам или системам слов. Однако природа последних, определяющая применение того или иного суффикса множественного числа, полностью еще не выяснена как в семасиологическом отношении, так и в фонетическом плане (то же, что выяснено, будет показано ниже). Кроме того, до сих пор еще не определена также точная граница между формами множественного числа, с одной стороны, и тем, что принято называть собирательностью, с другой. Дело в том, что здесь, применительно к явлениям в монгольских языках вообще, семасиологические признаки оказываются весьма зыбкими и шаткими — перевод соответствующих монгольских «собирательных» имен на другие языки не имеет, конечно, какого-либо научного значения. Определение собирательных имен по грамматическим признакам в монгольских языках также чрезвычайно затруднено тем обстоятельством, что в этих языках отсутствует согласование сказуемого с подлежащим. Впрочем, такое затруднение не следует преувеличивать, так как собирательные име-

³² См. Г. Д. Санжеев, *Современный монгольский язык*, стр. 45—53.

на в монгольских языках, будучи определяемыми, обычно не сопровождаются определениями, выражаемыми количественными числительными, как это иногда возможно с определяемыми именами в несомненной форме множественного числа. Кроме того, показатель собирательности, суффикс *-чуд* ~ *-чүд*, в старописьменном монгольском языке пишется слитно с основой имени, тогда как суффиксы множественного числа пишутся отдельно, если они не состоят лишь из одного согласного; разумеется, сказанное не может быть использовано исследователями живой устной речи.

Суффиксы множественного числа в старописьменном монгольском языке являются следующие: *-д*, *-с*, *-уд* ~ *-үд*, *-нубуд* ~ *-үгүд*, *-нар* ~ *-нер* и *-чуд* ~ *-чүд*; последний из перечисленных суффиксов и называется в монголистике показателем собирательности³³.

Суффикс *-д* служит для образования формы множественного числа от основ: 1) с конечным согласным *н*, который при этом выпадает, например: *еджен* 'хозяин' — *еджед* 'хозяева', *кен* 'кто такой' — *кед* 'кто такие', *модун* 'дерево' — *модуд* 'деревья'; 2) с конечным суффиксом образования имен *-сун* ~ *-сүн*, который при этом выпадает, например: *нубусун* 'утка' — *нубуд* 'утки', *гөрүгесун* 'зверь' — *гөрүгед* 'звери'; 3) иногда с конечным согласным *р* или *л*, например: *нөкур* 'друг' — *нөкүд* 'друзья', *тубул* 'теленки' — *тубуд* 'телята'; 4) иногда с конечными краткими гласными, например: *бусу* 'иной' — *бусуд* 'иные, прочие', *бері* 'невестка' — *берід* 'невестки', а также 5) от форм однократного и прошедшего причастий, например: *ябууи* 'идуший' — *ябууид* 'идущие', *сабуусан* 'сидевший' — *сабуусад* 'сидевшие, присутствовавшие'; 6) от имен деятеля на *-чи*, например: *емчи* 'врач' — *емчид* 'врачи', *хоничи* 'пастух овец' — *хоничид* 'пастухи овец'³⁴.

Посредством суффикса *-с* образуется форма множественного числа от основ с конечным кратким гласным или дифтонгом, причем конечный *и* последнего выпадает, например: *нере* 'имя' — *нерес* 'имена', *ордо* 'дворец' — *ордос* 'дворцы', *нэхай* 'собака' — *нохас* — 'собаки'. Иногда суффиксы *-с* и *-д* как бы употребляются один вместо другого после основ с краткими гласными, например: *абта* 'мерин' — *абтас* ~ *абтад* 'мерины', *месе* 'нож' —

³³ В современном монгольском литературном языке применяются эти же суффиксы множественного числа (однако с орфографическим обозначением долгих гласных): *-д*, *-с*, *-уд* ~ *-үд*, *-чуд* ~ *-чүд*, — о суффиксе *-нар* ~ *-нер* см. в сноске 35.

³⁴ Некогда в старописьменном монгольском языке от имен деятеля на *-чи* форма множественного числа образовывалась посредством наращенного ныне неупотребительного суффикса *-н*, например: *таріјачи* 'пахарь' — *таріјачин* 'пахари', *монголчи* 'монгол' — *монголчин* 'монголы' (см. А. Бэровников, *Грамматика монгольско-калмыцкого языка*, Казань, 1849, стр. 389). Аналогичное явление наблюдается ныне в бурятском языке.

месес ~ *месед* 'ножи'. Посредством суффикса *-уд* ~ *-үд* форма множественного числа образуется от основ с конечным согласным, кроме *н* (приведенные выше примеры типа *нөкүр* — *нөкүд* и *тубул* — *тубуд* являются исключениями из данного правила и единичными), например: *ном* 'книга' — *ном-уд* 'книги', *үкер* 'корова' — *үкер-үд* 'коровы', *туб* 'знамя' — *туб-уд* 'знамена'.

От основ с конечными краткими гласными форма множественного числа образуется посредством суффикса *-нубуд* ~ *-нүгүд*, например: *арға* 'спссы' — *арға-нубуд* 'спссы', *керіје* 'ворона' — *керіје-нүгүд* 'вороны'. Впрочем, в старописьменном монгольском языке этот суффикс применяется часто и вместо суффикса *-уд*, например: *черіг* 'воин' — *черіг-нүгүд* вместо *черіг-үд* 'воины'.

Посредством суффикса *-нар* ~ *-нер* форма множественного числа образуется от основ имен с конечным гласным, имен, обозначающих так называемые разумные существа, например: *баҗси* 'учитель' — *баҗси-нар* 'учителя', *аҗа* 'дядя' — *аҗа-нар* 'дяди'. Однако в старописьменном монгольском языке того времени этот суффикс после имен собственных как сы является союзным послелогом со значением 'и' или 'и другие', например: *Бату, Дорджи, Дулма нар* 'Бату, Дорджи, Дулма и другие'. Как видно из примеров, в данной функции суффикс *-нар* ~ *-нер* применяется и после основ с конечными согласными³⁵.

Посредством суффикса *-чуд* ~ *-чүд* образуются так называемые собирательные имена, обозначающие людей, например: *сајан* 'богатый' — *сајачуд* 'богачи', *саба* 'маленький' — *сабачуд* 'малыши', *джалабу* 'молодой' — *джалабучуд* 'молодежь', *ерегтеі* (субстантивированное прилагательное от существительного *ере* 'мужчина') 'мужчина' (вежливое слово) — *ерегтеичүд* 'мужчины'. Как видно из примеров, эти собирательные имена образуются от основ имен прилагательных и качественных, но: *монгол* 'монгол' — *монголчуд* 'монголы', *Ленин* 'Ленин' — *ленинчүд* 'ленинцы'.

В старописьменном монгольском языке под несомненным влиянием устной народной речи наблюдаются частые случаи образования двойных форм множественного числа, что же создает каких-либо дополнительных значений, например: *тубул* 'теленки' — *тубуд* и *тубуд-уд* 'телята', *лама* 'монах' — *лама-нар* и *лама-нар-уд* 'монахи'.

В системе местоимений формы множественного числа образуются по особым правилам, о чем речь будет идти особо.

³⁵ В современном монгольском литературном языке этот суффикс в качестве союзного послелога с указанным значением пишется отдельно от основы имени и, не подчиняясь сингармонизму гласных, в виде *нар*, например: *Цэдэн нар* 'Цеден и другие'.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН

В старописьменном монгольском языке, как и во всех монгольских языках и диалектах, все именные части речи, в том числе и причастия, имеют один и тот же тип склонения: выбор того или иного варианта падежного суффикса зависит исключительно от характера конечного звука данного склоняемого имени, а не от принадлежности последнего к определенной части речи и не от того, в форме какого числа, единственного или множественного, оно склоняется. Следовательно, в этом языке не приходится говорить о склонении имен существительных, отличающемся от склонения, например имен прилагательных, предметных, качественных, числительных, причастий и т. п. В этом языке равным образом и местоименные слова по характеру своего падежного склонения в морфологическом плане принципиально не отличаются от всех прочих именных частей речи, поскольку эти слова, разные группы местоимений, не имеют каких-либо особых и только им присущих падежных суффиксов: единственное отличие некоторых групп местоимений от всех прочих именных частей речи заключается лишь в том, что они для разных падежей имеют различные основы, о чем речь будет идти ниже.

Однако в монгольских языках, в том числе и в старописьменном, все имена имеют склонение трех родов: простое, двойное и притяжательное, из коих последнее бывает либо личнопредикательным, либо безлично-притяжательным, возвратным.

В старописьменном монгольском языке все падежные суффиксы пишутся отдельно от основы склоняемого имени (в монголоведной лингвистической литературе граница между ними отмечается знаком дефиса, например: *гер-ене* 'из юрты').

В старописьменном монгольском языке имеется восемь падежей: именительный, родительный, винительный, дательноместный, местный, исходный, орудный и соединительный. Кроме этих восьми падежей, следует различать еще основу, которая морфологически совпадает с формой именительного падежа не во всех случаях, а синтаксически выступает как бы вместо различных падежей. Если именительный падеж есть форма, в которой имя синтаксически является подлежащим, то основа представляет собой ту часть слова, посредством наращивания к которой соответствующих суффиксов образуются формы всех прочих падежей или которая как бы заменяет собой форму того или иного падежа, например: *мэри барьда* 'поймали лошадь', *ене болгасу мэдун* 'это есть дерево', — в последнем случае основу иногда называют формой неопределенного падежа, неоформленным винительным падежом и т. п. Как известно, в старописьменном монгольском языке, как и во всех алтай-

ских языках, из однородных именных членов предложения в форме соответствующего косвенного падежа ставится лишь последний из них, тогда как прочие остаются без какого бы то ни было оформления, т. е. в форме чистой основы (в этих случаях и говорится иногда о неопределенном падеже или неоформленном родительном, винительном, дательном-местном и т. п. падежах), например: *Бадма-ану Балдан, Біліг, Далай бурбан-дур табун хони, найман імаба-жі өггүбе* 'Бадма дал Галдану, Билику и Далаю пять овец и восемь коз' (букв. 'Бадма — Галдан, Билик, Далай троим — пять овца, восемь козу — дал'), *модун бајисін-дур* 'в деревянном доме' (букв. 'деревянный доме-в'), *гер дегер-е* 'на юрте' (букв. 'юрта-на').

Таким образом, основа имени представляет собой такую форму последнего, в которой оно без какого бы то ни было оформления выступает в любой подлежащей функции или посредством присоединения к которой соответствующих суффиксов образуются формы всех косвенных падежей и различные производные слова, как имена, так и глаголы³⁶. Причем в соответствии со сказанным выше, в системе падежного склонения основой имени являются формы как единственного, так и множественного числа.

Простое склонение

Простым склонением в монгольском языке называется такое, при котором имена, оказываясь в форме соответствующего падежа, не подвергаются повторному склонению (см. ниже о двойном склонении) и не сопровождаются какими-либо притяжательными частицами.

Именительный падеж не имеет каких-либо специальных показателей и, как уже сказано, синтаксически является формой подлежащего и именного сказуемого, а лексикологически — номинативной единицей языка³⁷. Так как именительный падеж во многих случаях внешне совпадает с формой основы, имена в позиции подлежащего часто сопровождаются особыми показателями: 1) *інү* и *ану* — формы родительного падежа от омертвелых в уже общемонгольскую эпоху основ личных местоимений 3-го лица соответственно единственного и мно-

---

³⁶ Сказанное относится к местоименным основам лишь частично. В практических пособиях по монголике различия между основой и именительным падежом не проводятся и часто утверждается, что эти формы имени совпадают друг с другом или что именительный падеж является одновременно основой имени, — однако это справедливо лишь частично и условно (подробнее см. Г. Д. Сапжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, т. I, М., 1953, стр. 140—157).

³⁷ Однако причастия как форма глагола не являются номинативными единицами языка.

жественного числа³⁸, т. е. **i-* 'он' и **a-* 'они'; 2) *болбасу* — форма условного деепричастия от основы глагола становления *бол-* 'стать, быть'. Примеры: *аха-ану дегуу-деген келебе* 'старший сказал младшему', *ене болбасу сајин гер* 'это — хорошая юрта' (без показателей эти словосочетания означали бы соответственно 'кто-то сказал своим братьям' и 'эта хорошая юрта'). В устной же речи как бы показателем подлежащего является пауза, в монголистике отмечаемая знаком тире: *аха — дегуу-деген келебе* 'старший сказал младшему', *ене — сајин гер* 'это — хорошая юрта' (следовательно, при отсутствии паузы сочетание имен являются определительными, если этому не препятствуют семантические значения соответствующих имен, например: *темур модун* означает 'железо и дерево', но, конечно, не 'железное дерево').

Родительный падеж образуется посредством следующих суффиксов: 1) *-јин* — после основ с любым конечным гласным: *сүке-јин* 'топора', *аха-јин* 'старшего', *гарху-јин* 'выхода' соответственно от *сүке* 'топор', *аха* 'старший', *гарху* 'выход', 'имеющий выходить'; 2) *-ун ~ -үн* — после основ с любым конечным согласным, кроме *н*: *гер-ун* 'юрты', *бал-ун* 'огня', *керег-үн* 'дела', *джес-үн* 'меди' соответственно от *гер* 'юрта', *бал* 'огонь', *керег* 'дело', *джес* 'медь'; 3) *-у ~ -у* — после основ с конечным согласным *н*: *кен-у* 'кого, чей', *олан-у* 'многих', *најман-у* 'восьми' соответственно от *кен* 'кто', *олан* 'много', *најман* 'восемь'.

Винительный падеж образуется посредством суффиксов: 1) *-і* — после основ с любым конечным согласным: *гер-і* 'юрту', *улус-і* 'страну' соответственно от *гер* 'юрта', *улус* 'страна'; 2) *-ји* — после основ с любым конечным гласным: *емегтеі-ји* 'женщину', от *емегтеі* 'женщина'.

Дательно-местный падеж образуется при помощи суффиксов: 1) *-дур ~ -дур* — после основ с конечными согласными *н*, *нг*, *л*, *м* и любым конечным гласным: *ніген-дур* 'одному', *санг-дур* 'казне', *еблел-дур* 'союзу', *ном-дур* 'в книге', *далаі-дур* 'в море', *еке-дур* 'матери' соответственно от *ніген* 'один', *санг* 'казна', *еблел* 'союз', *ном* 'книга', *далаі* 'море', *еке* 'мать'; 2) *-тур ~ -тур* — после основ с конечными согласными, кроме поименованных выше *н*, *нг*, *л* и *м*³⁹: *гер-тур* 'в юрте',

³⁸ Впрочем, в старописьменном монгольском языке эти различия по числам давно уже утрачены, а поэтому *ану* употребляется после именных основ с гласными заднего ряда, а *інү* — после именных основ с гласными переднего ряда.

³⁹ Уже из изложенного вытекает, что в старописьменном монгольском языке в качестве конечных согласных слова могут быть перечисленные *н*, *нг*, *л*, *м*, а также *г*, *д*, *с*, *б* и *р*. Обращает на себя внимание то, что в системе суффиксов родительного падежа согласный *нг* «приравливается» к согласному *г*, тогда как в системе суффиксов дательно-местного падежа — к согласному *н*.

улус-тур 'в стране', кеб-тур 'в форме', булаб-тур 'в источнике', морид-тур 'лошадям' соответственно от гер 'юрта', улус 'страна', кеб 'форма', булаб 'источник, ключ', морид 'лошади'. В письме очень часто под влиянием устной речи конечный согласный -р перечисленных суффиксов данного падежа выпадает: еблел-ду 'союзу', гер-ту 'в юрте' и т. д.

Местный падеж в старописьменном монгольском языке раннего периода образовывался посредством суффикса -а ~ -е лишь от некоторых именных основ с конечным согласным н или р и дифтонгом: баджар-а 'в земле, в местности', хотан-а 'в городе, в город', бархуй-а (гархуй-а, ср. устные формы целевого деепричастия гарха ~ гархайа 'чтобы выйти') 'при выходе, для выхода' соответственно от баджар 'земля, местность', хотан 'город', бархуй 'выход', 'имеющий выйти'. В современной литературной речи местный падеж, имеющий значение и дательного, т. е. являющийся дательноместным, образуется лишь от именных основ с конечным н: танā 'Вам' от тан- (основа местоимения 2-го лица мн. ч.), а форма причастия будущего времени в этом падеже превратилась в форму целевого деепричастия (примеры см. выше в скобках). Что же касается именных основ на конечный р, то вместо данного местного падежа применяется чистая основа: газар 'в местности', дотор 'среди, в' (соответственно из баджар-а, дотор-а). Из изложенного легко видеть, что данный падеж, во-первых, является по существу дательноместным и, во-вторых, образуется преимущественно от именных основ, оказывающихся наименованиями людей, различных учреждений и местностей.

Исходный падеж образуется посредством суффикса -ача ~ -ече от именных основ с любым конечным гласным или согласным: гер-ече 'из юрты', булаб-ача 'из источника', елдебече 'из различного', еке-ече 'от матери', далай-ача 'из моря' соответственно от гер 'юрта', булаб 'источник', елдеб 'различный', еке 'мать', далай 'море'.

Орудный падеж образуется посредством суффиксов: 1) -бар ~ -бер после основ с конечными гласными: нохай-бар 'собакой', сүке-бер 'топором', хатабу-бар 'с твердостью, твердо' соответственно от нохай 'собака', сүке 'топор', хатабу 'твердый'; 2) -ижар ~ -ижер — после основ с конечными согласными: бар-ижар 'рукой', джес-ижер 'медью' соответственно от бар 'рука', джес 'медь'.

Соединительный падеж образуется посредством суффикса -луба ~ -лүге: бабси-луба 'с учителем', ечиге-лүге 'с отцом', нокүр-лүге 'с другом', арад-уд-луба 'с аратами, с крестьянами' соответственно от бабси 'учитель', ечиге 'отец', нокүр 'друг', арад-уд 'араты, крестьяне'. Однако в старописьменном монгольском языке под влиянием устной народной речи

вместо суффикса *-луба ~ луге* применяется суффикс *-тай ~ -теи*: *багси-тай, ечиге-теи, нокур-теи, арад-уд-тай*. Дело в том, что этот суффикс *-луба ~ -луге* в виде *-ла ~ -ле ~ -лб ~ -лб* сохранился в некоторых монгольских диалектах нашего времени, преимущественно в южномонгольских и ойратских, тогда как в прочих диалектах монгольского языка суффиксом соединительного падежа, называемого совместным (в отличие от формы на *-луба ~ -луге*), является *-тай ~ -теи ~ -той*, фонетически варьирующийся различно. Впрочем, в некоторых монгольских диалектах суффиксы данного падежа в виде *-ла* и *-тай* применяются параллельно с небольшими смысловыми различиями⁴⁰.

Таблица 8

Падежные суффиксы

Падежи	Суффиксы	Конечный основы имени	Соответствия в современном литературном монгольском языке
Именительный	нет	—	нет
Родительный	<i>-ји</i>	гласный	<i>-ын ~ -ийн</i> (после дифтонгов и долгих гласных — <i>-н</i>)
	<i>-ун ~ -ун</i>	согласный, кроме <i>н</i>	
	<i>-у ~ -у</i>	<i>н</i>	<i>-ы ~ -ий</i>
Винительный	<i>-ји</i>	гласный	<i>-ыг ~ -ийг</i> (после дифтонгов и долгих гласных — <i>-г</i>)
	<i>-и</i>	согласный	
Дательно-местный	<i>-дур ~ -дур</i>	гласный и <i>н, нг, л, м</i>	<i>-д</i> (с учетом необозначаемого конечного краткого гласного в основе имени)
	<i>-тур ~ -тур</i>	<i>б, б, г, д, с, р</i>	
Местный	<i>-а ~ -е</i>	<i>н, р</i> и дифтонг	<i>-аа ~ -ээ ~ -оо ~ -өө</i>
Исходный	<i>-ача ~ -ече</i>	любой	<i>-аас ~ -ээс ~ -оос ~ -өөс</i>
Орудный	<i>-бар ~ -бер</i>	гласный	<i>-аар ~ -ээр ~ -оор ~ -өөр</i>
	<i>-лjar ~ -лjer</i>	согласный	

⁴⁰ См. Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 173—175.

Падежи	Суффиксы	Конечный основы имени	Соответствия в современ- ном литературном монголь- ском языке
Соединитель- ный	- <i>ауба</i> ~ - <i>аубе</i>	любой	- <i>аа</i> ~ - <i>ээ</i> ~ - <i>оо</i> ~ - <i>өө</i> (в отдельных диалектах)
Совместный	- <i>тай</i> ~ - <i>тэй</i>	любой	- <i>тай</i> ~ - <i>тэй</i> ~ - <i>той</i>

Как известно, в современном монгольском языке имена с конечным согласным *н* теряют его в формах именительного, винительного, орудного и совместного падежей, но сохраняют этот согласный в формах остальных падежей: в первом случае получается полная основа, а во втором — неполная, или усеченная. Этому явлению не знает старописьменный монгольский язык, если брать его, так сказать, в идеальном виде. Однако и в этом языке нашего времени под влиянием устной народной речи, т. е. современного монгольского языка, проявляются формы неполной основы. В результате сказанного в старописьменном монгольском языке ныне имена с конечным *н* в перечисленных падежах то теряют его, то сохраняют, образуя как бы параллельные формы этих падежей, что, однако, не имеет никакого грамматического значения, например: именительный — *часу* и *часун* 'снег', винительный — *часу-ји* и *часун-и* 'снег', орудный — *часу-бар* и *часун-ижар* 'снегом', *часу-тай* и *часун-тай* 'со снегом, снежный'. Сказанное относится к именам существительным, предметным и числительным⁴¹.

Двойное склонение

Сущность двойного склонения заключается в том, что к основе одного имени сразу же наращиваются суффиксы двух разных падежей, в результате чего получаются двойные падежи, выражающие значения двух данных падежей. Если

⁴¹ Однако в современном монгольском языке многие имена с конечным *н* сохраняют его, особенно в тех случаях, когда они получают новые значения, например: *гишүүн* ← *гесигүн* 'член организации' при *гиш/ү* ← *гесигүн* 'ветвь, сучок' и *одон* ← *одун* 'орден' при *од* ← *одун* 'звезда'. Следовательно, здесь при соответствующей фонетической дифференциации (правда, лишь в формах некоторых падежей, перечисленных выше) образуются явления семантической филиации, т. е. новые слова. Сюда же можно отнести явления типа *алт* ← *алтан* 'золото' и *Алтанг* ← *алтан* 'Алтан' (собственное имя).

значения двойных падежей монгольского языка вообще рассматривать со структурной точки зрения, то эти падежи приблизительно напоминают в некоторых случаях двойные предлоги в русском языке, например типа «из-за» или «из-под». Изложенное не означает, что компонентом двойных падежей может быть любой падеж, ибо первым компонентом таких двойных падежей может быть либо родительный падеж, либо соединительный или совместный, а вторым — винительный, орудный или соединительный падеж. Поэтому в старописьменном монгольском языке практически образуются следующие двойные падежи: 1) родительно-дательно-местный, например: *баҮси-јин-дур* 'у учителя', *Бадма-јин-дур* 'у Бадмы' — этот двойной падеж обозначает местопребывание, дом или квартиру лица, обозначенного в склоняемой основе имени, а поэтому этот падеж образуется от ограниченного круга имен, представляющих собой наименования людей, и личных местоимений; 2) родительно-соединительный, например: *аха-јин-луҮа* (чаще же *аха-јин-тай*) 'вместе с кем-то из семьи старшего брата', — этот падеж образуется от того же ограниченного круга имен, что и предыдущий родительно-дательно-местный; 3) соединительно-винительный или, точнее говоря, совместно-винительный, например: *мори-тай-ји* 'кого-то вместе с лошастью' или 'того, кто имеет лошадь'; 4) соединительно-орудный, например: *нөкүр-лүге-бер* 'вместе с другом' (впрочем, здесь орудный падеж является средством выражения логического ударения); 5) совместно-орудный, являющийся средством выражения обстоятельства образа действия, например: *амджилта-тай-бар* 'с успехом, успешно'; 6) совместно-дательно-местный, например: *часу-тай-дур* 'при снеге', 'когда есть снег'.

В более ранних памятниках старописьменного монгольского языка встречался дательно-местно-исходный падеж, например: *беје-дече* 'из тела, изнутри тела', *гер-тече* (современное *гэртээс*) 'из дома' (букв. 'изнутри юрты'). Уже орфография данного двойного падежа — *-дача ~ -дече ~ -тача ~ -тече* вместо ожидаемой *-дур-ача ~ -дүр-ече ~ -тур-ача ~ -түр-ече* — свидетельствует о том, что эта форма начала отмирать уже в очень ранний период старописьменного монгольского языка. В современных монгольских языках сохранились лишь единичные примеры этого двойного падежа типа бурятских *тэндэһээ* 'оттуда', *эндэһээ* 'отсюда' и *гэртэһээ* 'из дома' соответственно при *тэндэ* ← *тен-де* 'там', *эндэ* ← *ен-де* 'здесь' и *гэртэ* ← *гер-те* 'в юрте, в доме'. По-видимому, в ранней монгольской речи форма двойного дательно-местно-исходного падежа была продуктивной до того, как в монгольских диалектах «протохалхаского» типа образовалась форма исходного падежа *-ача ~ -ече*, генетически пред-

ставляющая собой форму двойного местно-исходного падежа: *-а-ча ~ -е-че* (но в бурятском языке *-һаа ← -са ← *-ча*, т. е. в этом языке исходный падеж генетически не является двойным).

Притяжательное склонение

При притяжательном склонении к суффиксу соответствующего падежа или «нулевой» форме именительного падежа присоединяются либо лично-притяжательные частицы, либо безлично-притяжательные, или возвратные, частицы. Лично-притяжательное склонение по существу или, точнее, генетически представляет собой постпозицию (по отношению к определяемым именам) форм родительного падежа личных местоимений, примененных в качестве определений соответствующих имен. Поэтому можно было бы говорить здесь об инверсии местоименных определений и определяемых имен, если бы не два важных обстоятельства: 1) такая инверсия в определительном сочетании вообще невозможна в монгольских языках, а 2) формы родительного падежа личных местоимений, превратившись в лично-притяжательные частицы, подверглись некоторому фонетическому видоизменению, особенно в устной речи. Вследствие второго обстоятельства в старописьменном монгольском языке эти частицы наличествуют в старой, или стандартной, и новой формах, первая из коих и отражает былую «инверсию» членов определительного сочетания. Изложенное можно видеть в следующей таблице.

Таблица 9

Личные местоимения в форме родительного падежа	Лично-притяжательные частицы		
	в старописьменном языке		в современном литературном языке
	в старой форме	в новой форме	
<i>мінү</i> 'меня, мой'	<i>мінү</i>	<i>мині</i>	<i>минь</i>
<i>ману</i> 'нас, наш'	<i>ману</i>	<i>мані</i>	<i>маань</i>
<i>чинү</i> 'тебя, твой'	<i>чинү</i>	<i>чині</i>	<i>чинь</i>
<i>тану</i> 'вас, ваш'	<i>тану</i>	<i>тані</i>	<i>тань</i>
<i>інү</i> 'него, его'	<i>інү</i>	<i>інү ~ ні</i>	<i>нь</i>
<i>ану</i> 'них, их'	<i>ану</i>	<i>ану ~ ні</i>	<i>нь</i>

Примечание. Личные местоимения 3-го лица обоих чисел в монгольском языке давно уже омертвели, оставив лишь свои формы родительного падежа, которые употребляются только в качестве лично-притяжательных частиц и, как уже отмечалось выше, показателей подлежащего: *ану* — после основ с гласными заднего ряда, а *інү* — после основ с гласными переднего ряда, т. е. эти частицы по числам не различаются.

Лично-притяжательное склонение имен как бы однозначно с определительным сочетанием, в котором притяжательное определение выражается личными местоимениями в форме родительного падежа (в монгольских языках притяжательные местоимения отсутствуют). Однако в первом случае логическое ударение падает на определяемое имя, а во втором — на притяжательное определение: *ном-и-ману* 'нашу книгу' и *ману ном-и* 'нашу книгу'.

Лично-притяжательные частицы пишутся отдельно от склоняемых имен. Однако они не являются самостоятельными словами и входят в состав соответствующих склоняемых слов, хотя с фонетической точки зрения их следовало бы признать именно самостоятельными словами, каковыми они и были в ранний период исторического развития монгольского языка. Дело в том, что при лично-притяжательном склонении долгий гласный последнего склоняемого имени (независимо от того, является ли этот слог конечным в основе данного имени или нет, будучи слогом соответствующего падежного суффикса) не становится в устной речи сверхдолгим: халхаск. *гарар мин'ї*, но не *гарармин'ї* 'моей рукой'. Как известно, в живых монгольских языках долгий гласный конечного слога становится сверхдолгим, если этот слог в ходе словоизменения или словообразования превращается в последний, например: халхаск. *гарар* 'рукой' и *гарара* 'своей рукой', *малас* 'от скота' и *маласа* 'от своего скота'.

В системе лично-притяжательного склонения обращают на себя внимание два обстоятельства, а именно: 1) форма родительного падежа включительного местоимения 1-го лица множественного числа *биден-у* не используется в качестве лично-притяжательной частицы во всех монгольских языках; *-ману* является формой данного падежа исключительного местоимения того же лица и числа; 2) форма местного падежа на *-а ~ -е* в обозреваемой системе склонения не употребляется. В этой связи необходимо помнить, что названное исключительное местоимение и личное местоимение того же лица единственного числа дифференцированы средствами внутренней флексии (*би* 'я' — *ба* → *ма + н* 'мы' в исключительном значении), тогда как включительное местоимение *биден* 'мы' образовано от личного местоимения 1-го лица единственного числа *би* средствами агглютинации с использованием форманта *-ден* (*би* + *-ден*); как надо полагать, приемы внутренней флексии в истории монгольских языков являются более ранними и архаичными, нежели средства агглютинации, а местный падеж начал отмирать в еще более раннюю эпоху развития этих языков. Эти обстоятельства в ходе дальнейших историко-лингвистических исследований должны

быть учтены при возможном установлении хотя бы относительной хронологии возникновения постпозиционного употребления родительного падежа в определительной функции.

В заключение этого раздела приводятся примеры лично-притяжательного склонения: *гер-түр-минү* 'в моей юрте', *мал-ача-ману* 'от нашего скота', *сүке-бер-чинү* 'твоим топором', *аха-луба-тану* 'с вашим старшим братом', *ном-ану* 'его книга', *бар-і-ану* 'его руку', *еке-јін-інү* (*дебтер*) 'тетрадь его матери', *нөкүд-түр-інү* 'его друзьям', *бафси-нар-ача-ану* 'от его (их) учителей'.

В системе безлично-притяжательного склонения употребляются все падежные формы, кроме форм именительного и местного падежей, падежные формы, к которым присоединяются частицы *-і-јан* ~ *-і-јен*, если конечным суффикса соответствующего падежа оказывается согласный, и *-сан* ~ *-бен*, если конечным того же падежа является гласный. Раздельное написание этих частиц составляет первый тип данного склонения. По второму же типу формы родительного, винительного, дательно-местного, исходного и совместного падежей образуются в этом склонении путем слитного написания обозреваемых частиц с суффиксами перечисленных падежей, причем эти морфемы подвергаются существенному фонетическому видоизменению, в результате чего, например, формы родительного и винительного падежей совпали полностью (в некоторых монгольских языках и диалектах эти падежи оказались в состоянии конвергенции и при простом склонении). В современном монгольском языке частицами безлично-притяжательного, или возвратного, склонения являются: *-хаа* ~ *-хоо* ~ *-хөө* ~ *-хээ* (в родительном падеже) и *-аа* ~ *-оо* ~ *-өө* ~ *-ээ* (в прочих падежах). Примечательно, что в отличие от лично-притяжательных частиц возвратные оказываются в составе склоняемых имен и в фонетическом отношении, если учитывать явления в устной речи: *малār* 'скотом' — *малārā* 'своим скотом' (долгий гласный последнего слога склоняемого имени при наращении возвратных частиц становится сверхдолгим, — см. изложенное выше о лично-притяжательных частицах). Именно этому обстоятельству обязан своим возникновением второй тип возвратного склонения.

Примеры: *еке-јін-і-јен* ~ *еке-јүген* (*дебел-дур*) 'в халате своей матери', *морін-сан* ~ *морін-јубан* (*дергеде*) '(около) своей лошади', *сонін-і-сан* ~ *сонін-јубан* 'свою газету', *аха-дур-і-јан* ~ *аха-дабан* 'своему старшему брату', *бар-тур-і-јан* ~ *бар-табан* 'в своей руке', *дебтер-ече-бен* ~ *дебтер-ечеген* 'из своей тетради', *сүке-бер-і-јен* 'своим топором', *нөкүр-лүге-бен* 'со своим другом', *ном-тай-бан* ~ *ном-тајбан* 'со своей книгой'.

Падежи	Первый тип	Второй тип
Родительный	- <i>jin-ijan</i> ~ - <i>jin-ijen</i> - <i>un-ijan</i> ~ - <i>un-ijen</i> - <i>u-ban</i> ~ - <i>u-ben</i>	- <i>juban</i> ~ - <i>jugen</i> , иногда - <i>juban</i> ~ - <i>juben</i>
Винительный	- <i>ji-ban</i> ~ - <i>ji-ben</i> - <i>i-ban</i> ~ - <i>i-ben</i>	как и в родительном падеже, см. выше
Дательно-местный	- <i>dur-ijan</i> ~ - <i>dur-ijen</i> - <i>tur-ijan</i> ~ - <i>tur-ijen</i>	- <i>da-ban</i> ~ - <i>degen</i> - <i>ta-ban</i> ~ - <i>tegen</i>
Исходный	- <i>aca-ban</i> ~ - <i>ече-ben</i>	- <i>ачабан</i> ~ - <i>ечеген</i>
Орудный	- <i>ijar-ijan</i> ~ - <i>ijer-ijen</i> <i>bar-ijan</i> ~ - <i>ber-ijen</i>	нет нет
Соединительный	- <i>luqa-ban</i> ~ - <i>луге-ben</i>	нет
Совместный	- <i>tai-ban</i> ~ - <i>tei-ben</i>	- <i>тајібан</i> ~ - <i>тајіген</i>

Очень часто и под влиянием устной речи суффикс винительного падежа опускается, а поэтому возвратная частица наращивается непосредственно к основе склоняемого имени, что не приводит ни к какому смысловому изменению: *сонin-ijan* 'свою газету', *ече-ben* 'свою мать'.

Как уже сказано выше, в системе возвратного склонения отсутствует именительный падеж, а поэтому то, что в русском языке выражается возвратным местоимением «свой», по-монгольски передается возвратным местоимением *öber-un*, например: *öber-un kumün* 'свой человек' (речь здесь идет именно об именительном падеже, ибо в прочих падежах, как видно из приведенных выше примеров, понятие «свой» выражается обозреваемым возвратным склонением). Следует также отметить, что если определяемое имя оказывается подлежащим, то определительное имя в родительном падеже не может принимать частицу возвратного склонения — впрочем, и по-русски нельзя сказать что-нибудь вроде «стоит лошадь своей сестры».

Во всех рассмотренных склонениях конечный согласный *p* суффикса дательно-местного падежа факультативно и под влиянием устной речи выпадает, а поэтому при возвратном склонении первого типа вместо частицы *-ijan* ~ *-ijen* употребляется *-ban* ~ *-ben*, например: *mal-du-ban* 'своему скоту', *гер-*

ту-бен 'в своей юрте', соответственно вместо *мал-дур-і-јан* и *гер-түр-і-јен*. Сказанное относится также и к конечному согласному и многих имен, выпадающему в именительном, винительном, орудном и совместном падежах [в этом случае имена склоняются подобно именам с конечным гласным, например: *мори-ји-бан* 'свою лошадь', *хони-бар-і-јан* или *моду-тай* 'с деревом' (однако часто 'имеющий дерево', 'лесистый' при *модун-тай* 'с деревом')].

МЕСТОИМЕННИЯ

Местоимения в монгольских языках обладают теми же категориями, что и прочие части речи, если с последними сопоставить по отдельности соотносительные с ними разряды местоимений.

Местоименные разряды в старописьменном монгольском языке следующие:

1) личные: *би* 'я', *биде* 'мы', *чи* 'ты', *та* 'вы';
2) указательные: *ене* 'это', *тере* 'тот', *еде* 'эти', *теде* 'те', *ејимү* 'такой (как этот)', *тејимү* 'такой (как тот)', *тус* 'данный, этот', *мдн* 'данный, этот самый';

3) вопросительные: *кен* 'кто (такой)', *кед* 'кто (такие)', *јабун* 'что', *јамбар* ~ *јамар* 'какой', *алин* ~ *али* 'который (из них)', *кедүн* 'сколько';

4) возвратные местоимения (образованы от омертвелой основы *дбер-*): *дбер-і-јен* или (изредка) *дберсүбен* 'сам', *дберсед-і-јен* 'сами', — эти формы как бы именительного падежа историко-морфологически представляют собой основы *дбер-* и, во множественном числе, *дберсед-* с частицей возвратного притяжания *-і-јен* и никак не являлись в прошлом нулевыми формами винительного падежа (надо скорее полагать, что некогда эти основы употреблялись в местном падеже на *-е*, суффикс которого в письменную эпоху был интерпретирован как частица возвратного притяжания); эти основы имеют формы лишь некоторых падежей: родительного — *дбер-ун* 'свой', 'свои' и *дберсед-ун* 'свой', 'свои' (в первом случае о предмете или предметах одного лица, а во втором — множества лиц), дательного-местного — *дбер-теген* 'себе, у себя' (в речи об одном лице) и *дберсед-теген* 'себе, у себя' (в речи о многих лицах), винительного — *дберсед-і* 'самих';

5) глагольные⁴²: *еји-* 'делать, поступать, как этот', *теји-* 'делать, поступать, как тот', *јабаки-* 'как сделать, как быть'; эти глагольные «местоимения» имеют этимологическую связь

⁴² Показательно, что по-монгольски «местоимение» называется *тдд-ген-ү* *уге* 'местословие'.

соответственно с приведенными выше местоимениями же *ене*, *ејимү*, *тере*, *теде*, *тејимү*, *јагун* и *јамбар*.

Глагольные «местоимения» имеют все обычные формы глагольного спряжения, т. е. залога, времени и наклонения, а также причастия и деепричастия. Все же прочие местоимения, будучи именными, склоняются по всем падежам — исключения составляют возвратные местоимения, о чем уже речь шла выше, и указательные *тус* и *мөн*, которые склоняются лишь изредка. По системе своих падежных суффиксов все склоняемые местоимения ничем не отличаются от всех прочих именных частей речи: склонение в монгольских языках, как уже говорилось, является однотипным. Однако все личные местоимения и указательные *ене*, *тере*, *еде* и *теде* имеют по две и более основы, каждая из которых предназначена для образования определенной группы падежей, как это можно видеть из представленной ниже таблицы.

Таблица II

Именительный падеж	Основы	Падежи, образуемые основой
<i>би</i> 'я'	<i>мін-на-¹</i> <i>нада-</i>	родительный дательно-местный исходный, орудный, соединительный, совместный
<i>чи</i> 'ты'	<i>нама-чин-чима-</i>	винительный родительный
<i>биде</i> 'мы'	<i>биден-</i>	все, кроме родительного
<i>ба²</i> 'мы'	<i>ман-</i>	все
<i>та</i> 'вы'	<i>тан-</i>	все
<i>ене</i> 'это'	<i>егун-</i>	все
<i>тере</i> 'тот'	<i>тегун-</i>	все
<i>еде</i> 'эти'	<i>еден-</i>	все
<i>теде</i> 'те'	<i>теден-</i>	все

¹ Вместо *нада-* во избежание гиппологии: *нада-дур*.

² Именительный падеж данного исключительного местоимения не существует в монгольском языке уже очень давно, хотя формы остальных падежей этого же местоимения сохраняются, — см. также выше в разделе о притяжательном склонении.

Представленные в таблице местоименные основы означают, что они, как сказано выше, изменяются по формам падежей подобно всем прочим именам с конечным гласным или согласным *н*-, например: *надур* 'мне', *егун-луге* 'с ним', *тегун-дур* 'тому', *чима-ача* 'от тебя' и т. д. В формах родительного, винительного и дательно-местного падежей основы личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа пишутся слит²

но с суффиксами этих падежей. Основы личных местоимений тех же лиц множественного числа пишутся чаще всего слитно с суффиксом лишь родительного падежа. В этом только и состоит орфографическая особенность системы склонения местоимений в старописьменном монгольском языке.

Как уже отмечалось выше, в монгольском языке личные местоимения 3-го лица *і* 'он' и *а* 'они' омертвели уже давно, оставив свои формы родительного падежа *інү* и *ану*, употребляемые ныне лишь в качестве лично-притяжательных частиц и показателей подлежащего. Однако еще в XIII—XIV вв. эти местоимения сохранялись и применялись в формах именительного, родительного, винительного, дательного-местного и орудного падежей единственного числа соответственно в виде *і*, *інү*, *імајі*, *імада* и *іма-арі*, а также именительного, родительного, винительного и дательного-местного падежей множественного числа соответственно в виде *ан*, *ану*, *ані* и *ан-дур*⁴³. Отсутствие в современном монгольском языке личного местоимения 3-го лица привело к тому, что указательные местоимения множественного числа *еде* и *теде* с наращением суффикса *-гер* все чаще и чаще стали применяться в качестве первого: *едегер* 'они', 'эти' и *тедегер* 'они', 'те'. Наряду с этими *едегер* и *тедегер* под влиянием устной речи употребляются также формы *еденер* 'они', 'эти' и *теденер* 'они', 'те', представляющие собой формы как бы двойного множественного числа указательных местоимений единственного числа *ене* 'это' и *тере* 'тот' и не употребляющиеся в определительной функции (формы *едегер* и *тедегер* могут применяться и атрибутивно). Все эти местоимения — *едегер*, *тедегер*, *еденер* и *теденер* — склоняются так же, как и имена с конечным согласным *-р*, и широко распространены почти во всех монгольских диалектах.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительные, как и все имена, обладают категорией падежа, но лишены категории числа, если не считать того, что они в форме множественного числа встречаются среди различных родо-племенных названий (*дөрбед* 'дэrbэты', *мінгбад* 'мингаты', *төмөд* 'туметы' и т. п., соответственно от *дөрбөн* 'четыре', *мінгбан* 'тысяча', *төмөн* 'десять тысяч'). Однако числительные имеют количественные, порядковые, разделительные, собирательные и перечислительные формы, которые за исключением количественных и перечислительных могут считаться вторичными основами числительных (первичными явля-

⁴³ Эти местоимения в том или ином объеме сохранились лишь в некоторых окраинных монгольских языках и диалектах.

ются количественные, а несклоняемые перечислительные именно формами последних), поскольку они могут склоняться.

Количественные числительные: *ниген* 'один', *хојар* 'два', *бурсан* 'три', *дөрбөн* 'четыре', *табун* 'пять', *дэжирбузан* 'шесть', *долубан* 'семь', *наиман* (в старописьменном монгольском языке — единственное слово, в последнем слоге которого встречается сочетание гласных *-a-i-* без интервокального согласного *-j-*) 'восемь', *јисүн* 'девять', *арбан* 'десять', *хорин* 'двадцать', *бучин* 'тридцать', *дочин* 'сорок', *табин* 'пятьдесят', *дэжиран* 'шестьдесят', *далан* 'семьдесят', *најан* 'восемьдесят', *јерен* 'девяносто', *дэжабун* 'сто', *мингбан* 'тысяча', *тэмэн* 'десять тысяч', *бум* 'сто тысяч', *саја* 'миллион', *тербум* 'миллиард' (последние три заимствованы из санскритского и тибетского языков). Многозначные числительные образуются сочетаниями, в которых большее предшествует меньшему, т. е. десятки единицам, сотни десяткам и т. д., сотни и тысячи составляются из единиц плюс *дэжабун*, *мингбан* и т. д., например: *бурбан тербум хојар саја дөрбөн мингбан долубан дэжабун арбан табун* 'три миллиарда два миллиона четыре тысячи семьсот пятнадцать'.

Порядковые числительные образуются от основ количественных при помощи суффикса *-дубар ~ -дугер*: *нигедугер* 'первый', *табудубар* 'пятый', *табидубар* 'пятидесятый', *хојар дэжабудубар* 'двухсотый', *бурбан мингбан далан наймадубар* 'три тысячи семьдесят восьмой'. Наряду с порядковым числительным *нигедугер* 'первый' в монгольском языке имеется еще исторически-порядковое *ангхадубар* 'первый' (в речи о чем либо первом в истории, например: *нам-ун ангхадубар јеке хурал* 'первый съезд партии'), образованное от основы имени *ангха* 'сперва, вначале, впервые'. В современном монгольском языке суффикс *-дубар* лексикализовался со значением 'номер', например: *сонин-у дубар* 'номер газеты'.

Разделительные числительные образуются от основ количественных посредством суффикса *-бад ~ -гед*: *бурбабад* 'по три', *арбабад* 'по десять', *јисугед* 'по девять'. Разделительные числительные от *ниген* 'один' и *хојар* 'два' образуются при помощи того же суффикса, меняя свои основы: *нидэжигед* 'по одному' и *хосибад* 'по два'. Разделительные числительные начиная с десяти и выше имеют также значение приближенности: *арбабад* 'по десять', 'около десяти', *дэжабубад* 'по сто', 'около ста' и т. д.

Собирательные числительные образуются от основ количественных при помощи суффикса *-була ~ -гуле*: *бурбабула* 'втроем', *јисугуле* 'вдевятиером' (свыше девяти не бывает).

Перечисленные числительные образуются при помощи суффикса *-та ~ -те*: *хојарта* 'дважды', 'во-вторых', *дөрбенте*

'четыре раза', 'в-четвертых', *нигенте* 'один раз', 'однажды' (кроме того: 'уже, коль скоро, раз уже').

Как видно из примеров, конечный основы количественных числительных и при образовании прочих числительных выпадает так же, как и при субстантивированном их употреблении: *ниге* 'один', *бурба* 'три', *табу* 'пять' и т. д.

ГЛАГОЛ

Так как глагол в старописьменном монгольском языке, если иметь в виду его основные категории и семасиологическую природу, ничем не отличается от глагола же в современном монгольском языке⁴⁴, считаю возможным ограничиться описанием его суффиксальной морфологии.

ОБРАЗОВАНИЕ ЗАЛОГОВ

В старописьменном монгольском языке глагол имеет формы⁴⁵ побудительного, страдательного, взаимного и совместного залогов, которые являются вторичными залоговыми основами, образующимися от первичной залоговой формы, т. е. от основы прямого залога (иными словами, первичная залоговая форма оказывается вообще первичной глагольной основой, которая может быть корневой, или непроеизводной, и производной, образованной от различных именных основ). Суффиксами образования побудительного залога являются:

1) *-бул* ~ *-гул* — от основ активных глаголов с конечными краткими гласными и, в единичных случаях, дифтонгами *харабул*- 'показать', *медегул*- 'сообщить', 'дать знать', *ябубул*- 'отправить, заставить идти', *оробул*- 'ввести', *бајибул*- 'поставить, остановить, организовать' соответственно от *хара*- 'смотреть', *меде*- 'знать', *ябу*- 'идти', *оро*- 'войти', *баји*- 'быть, стоять';

2) *-лба* ~ *-лге* — от глагольных основ с конечными долгими гласными и дифтонгами: *сабулба*- 'посадить', *негулге*- 'переселить', *харајилба*- 'заставить скакать' соответственно от *сабу*- 'сидеть', *негу*- 'кочевать', *хараји*- 'скакать';

3) *-ха* ~ *-ке* — от глагольных основ с конечным согласным *с* или *д*: *босха*- 'поднять', *дске*- 'выращивать' соответственно от *бос*- 'встать', *дс*- 'расти'; от глагольной основы с ко-

⁴⁴ См. Г. Д. Санжеев, *Современный монгольский язык*, стр. 61—74.

⁴⁵ Залоги являются формами глагола лишь в лексикологическом отношении, а не в грамматическом, поскольку их образование представляет собой производство новых лексических единиц, обладающих словообразовательной способностью, чего нельзя сказать о видовых основах глагола (см. ниже).

нечным согласным *б* данный залог образуется при помощи составного суффикса *-хабул* (*-ха+бул*): *абхабул* — 'заставить брать' от *аб-* 'брать';

4) *-ба~ге* — от глагольных основ с конечным *р* или *л*: *болба* — 'сделать', *күрге* — 'доставить, провожать' соответственно от *бол-* 'сделаться, стать', *күр-* 'достигнуть' (но: *олхабул* — 'заставить найти', *дежилүгүл* — 'заставить одолеть' соответственно от *ол-* 'найти', *дежил-* 'одолеть', т. е. от основ переходных глаголов, тогда как глаголы типа *бол-* или *күр-* являются непереходными);

5) *-ба~ге* (этот суффикс условно назовем поствокальным, чтобы не смешивать его с предыдущим, постконсонантным, суффиксом *-ба~ге*) — от основ пассивных глаголов с конечными краткими гласными: *халаба* — 'нагревать', *дебтеге* — 'промочить насквозь' соответственно от *хала-* 'нагреваться', *дебте-* 'промокнуть насквозь'.

Начальный согласный *б~г* суффиксов *-бул~гүл* и поствокального *-ба~ге*, оказавшись в интервальнойном положении, в устной речи выпадает, в результате чего конечный гласный производящей глагольной основы и гласный этих суффиксов образуют долгий гласный: *харабул* → *ха, ул* — 'показать', *дебтеге* → *дебте-* — 'промочить насквозь'. Как видно из всего вышесказанного, эти два суффикса побудительного залога применяются в зависимости от того, какой является производящая глагольная основа: активной или пассивной (пассивными глаголами в монгольских языках мы называем такие, которые обозначают действия или, точнее, состояния, происходящие с самим предметом или не зависящие от воли субъекта, т. е. некоторые непереходные глаголы типа *бс-* 'расти', *хата-* 'сохнуть', *балджабура-* 'взбеситься', *харала-* 'чернеть' и т. п.). Впрочем, в современных монгольских языках грамматическое различие между пассивными и активными глаголами в крайне редких случаях начинает утрачиваться: *көгджі-* 'развиваться, разгораться' — *көгджіге-* 'разжигать огонь' и *көгджігүл-* 'развивать', *джба-* 'мучиться' — калмыцк. *зовул-* 'мучить' и халхаск. *завоо-* 'мучить'.

Употребление прочих суффиксов этого же залога регулируется в зависимости от характера конечного звука производящей глагольной основы (см. выше), если не считать того, что иногда определенное значение имеет переходность или непереходность производящей глагольной основы, например: *бол-* 'стать, сделаться' — *болба* — 'сделать', *бабад-* 'уменьшаться' — *бабадха-* 'уменьшать' при *ол-* 'найти' — *олхабул* — 'заставить найти', *од-* 'отправиться' — *одхабул* — 'отправить'. Таким образом, в целом оказывается, что выбор того или иного суффикса побудительного залога во многих случаях зависит от семасиологической природы производящей глагольной основы.

Весьма сложный вопрос об образовании побудительного залога от семасиологически различных глагольных основ рассматривается во втором томе нашей «Сравнительной грамматики монгольских языков»⁴⁶. Надо, в частности, заметить, что долгие гласные в монгольском языке образовались приблизительно в XIV—XV вв., т. е. после того, как в старописьменном монгольском языке уже сложилась описываемая нами система образования побудительного залога. А между тем по этой системе приходится апеллировать к долгим и кратким гласным, которых до указанного периода в языке еще не было! Следовательно, семасиологическую природу слов, которые в современных монгольских языках имеют в своем составе долгие гласные, необходимо подвергнуть специальному исследованию, учитывая при этом особенности в образовании форм побудительного залога.

Страдательный залог образуется при помощи следующих суффиксов: 1) *-да* — от глагольных основ с конечным согласным *л*: *олда* — 'быть найденным' от *ол* — 'найти'; 2) *-та~те* — от глагольных основ с конечными согласными *б*, *р* и *б*: *абта* — 'быть взятым', *фарта* — 'быть превзойденным', *огте* — 'быть данным' соответственно от *аб* — 'брат', *фар* — 'превзойти' (в спорте), *ог* — 'дать'; суффиксы *-да* и *-та~те* образуют страдательный залог лишь от односложных глагольных основ, каковых с перечисленными конечными согласными весьма немного, если иметь в виду только переходные глаголы, от которых лишь и образуется данный залог; 3) *-бда~где* — от глагольных основ с конечными гласными или, если эти основы оказываются неодносложными, согласными: *харабда* — 'показаться', *медегде* — 'быть узанным', *бајібулубда* — 'быть организованным', *дејілүгде* — 'быть побежденным' соответственно от *хара* — 'смотреть', *меде* — 'знать', *бајібул* (побудительный глагол от *бајі* — см. выше) — 'организовать', *дејіл* — 'победить'.

Взаимный залог образуется посредством суффикса *-лду~лду* от основы любого переходного глагола: *харбулду* — 'перестреливаться из лука', *түлкілдү* — 'толкать друг друга' соответственно от *харбу* — 'стрелять из лука', *түлкі* — 'толкать'.

Совместный залог образуется от любой глагольной основы посредством суффикса *-лча~лче*: *барулча* — 'выйти с кем-нибудь', *келелче* — 'переговариваться' соответственно от *бар* — 'выйти', *келе* — 'говорить'.

Как видно из таблицы, суффиксы побудительного залога *-ха~ке* и постконсонантный *-ба~ге* являются позиционными вариантами одного и того же суффикса, которые в современном монгольском языке подверглись конвергенции. Равным об-

⁴⁶ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*, М., 1963.

разом таковыми же являются суффиксы страдательного залога *-та ~ -те* и *-да*.

Таблица 12

Залогообразующие суффиксы

Залог	Суффиксы в старописьменном языке	Суффиксы в современном литературном языке
Побудительный	-бул ~ -гүл -лба ~ -лге -ха ~ -ке -ба ~ -ге (постконсонантный) -ба ~ -ге (поствокальный)	-уул ~ -үүл -лга ~ -лго ~ -лгө ~ -лгэ -га ~ -го ~ -гө ~ -гэ -га ~ -го ~ -гө ~ -гэ -аа ~ -оо ~ -өө ~ -ээ
Страдательный	-да -та ~ -те -бда ~ -где	-д -т -гд
Взаимный	-лду ~ -лду	-лд
Совместный	-лча ~ -лче	-лц

В монгольском языке обычными и употребительными являются комбинированные залоговые формы: побудительно-страдательная (*бајібүлүбда* 'быть организованным' — страдательная форма от побудительной *бајібүл* 'организовать' ← *бајі-* 'быть'), страдательно-побудительная (*алабдабул* 'быть убитым по своей оплошности' — побудительная форма от страдательной *алабда* 'быть убитым' ← *ала-* 'убить'), совместно-побудительная (*оролчабул* 'позволить войти с кем-нибудь' — побудительная форма от совместной *оролча-* 'войти с кем-нибудь' ← *оро-* 'войти') и т. д. Иными словами, от одной вторичной залоговой основы могут образовываться третичные залоговые основы, при этом значение каждого из залогов сохраняется.

ОБРАЗОВАНИЕ ВИДОВЫХ ОСНОВ

Здесь речь идет о таких вторичных основах глагола, которые подобно первичным и залоговым основам могут служить базой для образования всех изменяемых форм глагола, но лишены словообразовательной способности, т. е. подобно изменяемым формам любого слова не могут быть производящими основами — следовательно, это явление промежуточного характера. Сказанное, в частности, означает, что от подобных основ не могут образовываться вторичные залоговые основы, от которых, однако, допустимо образование любой видовой

основы. От обычной глагольной основы, лишенной видовой окраски, посредством соответствующих суффиксов образуются следующие видовые основы, которые с равным успехом было бы допустимо считать видовыми формами глагола: 1) интенсивные — суффикс *-чи~чиха*: *жабучи*- 'взять да и пойти' от *жабу*- 'идти', *кичи*- 'взять да и сделать' от *ки*- 'делать'; 2) учащательные — суффикс *-чаба~чеге*: *унгсичаба*- 'почитывать' от *унгси*- 'читать', *бичичеге*- 'пописывать', 'писать' (о многих) от *бичи*- 'писать'; 3) ритмические от немногих глагольных основ — суффикс *-л*: *чокил*- 'биться' (например, о сердце) от *чки*- 'бить', *чакіл*- 'сверкать, блестеть' от *чакі*- 'сверкнуть, блеснуть'; 4) ослабленные — суффикс *-ски*: *жабуски*- 'идти, время от времени останавливаясь' от *жабу*- 'идти', *дабуласки*- 'подпевать слегка' от *дабула*- 'петь'⁴⁷.

К видовым основам глагола не относятся такие вторичные основы глагола, которые не лишены словообразовательной способности, например: *најибулджа*- 'покачиваться' (при *најибулджабу*- 'покачивающийся', перен. 'кривляка') от *најибу*- 'качаться, наклоняться', *харабалджа*- 'обращать внимание' (при *харабалджалба*- 'надзор, присмотр') от *хара*- 'смотреть' и т. п. (см. также в разделе об образовании глаголов).

ИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА

В старописьменном монгольском языке имеются следующие изменяемые формы глагола: 1) окончательные (повелительно-желательные и изъявительные), употребляемые только предикативно, и 2) неокончателные (причастия, склоняемые и функционирующие в любой синтаксической позиции, и депричастия, применяемые либо в обстоятельственной функции, либо в позиции незаключительного сказуемого, если предложение оказывается сочиненным или, при одном подлежащем, многосказуемым).

Основой глагола, посредством наращення к которой соответствующих суффиксов образуются все спрягаемые формы глагола и отглагольные имена, является повелительная форма 2-го лица обоих чисел. В морфонологическом отношении, как это уже отмечалось выше в разделе о согласных, спряжение глагола характерно тем, что если конечным основой глагола является какой-нибудь согласный, а начальным суффикса соответствующих форм глагола оказывается согласный *б~г, ж, л, м, н* или *р*, то между ними вставляется соединительный гласный *-у~-ү-*, как это можно видеть ниже на примере спряжения глагола *бар*- 'выйти'.

⁴⁷ Здесь перечислены лишь наиболее распространенные и достаточно известные видовые основы.

К повелительно-желательным формам глагола⁴⁸ относятся следующие: 1) повелительная 2-го лица обоих чисел, морфологически «нулевая»: *бар!* 'выходи!' или 'выходите!', *хара!* 'смотри!', *келе!* 'говори!'; 2) повелительно-наставительная 2-го лица обоих чисел, появившаяся в старописьменном монгольском языке под влиянием устной народной речи — суффикс *-барай~--гереі*, иногда *-арай~--ереі*: *барубарай!*~*гарарай!* 'выйдешь (выйдете) потом!', *харабарай!*~*харарай!* 'посмотрите потом!', *келегереі!*~*келереі!* 'скажешь потом!'; 3) повелительная, или «вежливая», 2-го лица множественного числа с суффиксом *-бтун~--гтун*: *барубтун!* 'выходите!', *харабтун!* 'посмотрите!', *келегтун!* 'говорите!'; 4) повелительно-просительная 1-го лица обоих чисел с суффиксом *-ја~--је*: *баруја!* 'выйдука!' или 'выйдем-ка!', *хараја!* 'посмотрю-ка!', *келеје!* 'скажу-ка!'; 5) повелительно-желательная 3-го лица обоих чисел с суффиксом *-тубай~--түгеі*: *гартугай!* 'пусть выйдет!' или 'пусть выйдут!', *харатубай!* 'пусть посмотрит!', *келетүгеі!* 'пусть скажет!'; 6) пропозитивная 1-го лица с суффиксом *-су~--сү*: *барсу!* 'выйду-ка', *харасу-* 'посмотрю-ка!', *келесу!* 'скажу-ка!'; эта форма была более свойственна старописьменному монгольскому языку в прошлом; 7) желательная всех лиц с суффиксом *-субай~--сүгеі*: *барсубай!* 'хорошо бы выйти!', *харасугай!* 'хорошо бы посмотреть!', *келесүгеі!* 'сказать бы!'; эта форма часто употребляется со значением предыдущей, пропозитивной, ныне уже неупотребительной, в связи с чем она в своем собственном значении образуется под влиянием устной народной речи при помощи суффикса *-басаі~--гесеі* или *-асаі~--есеі*: *барубасаі!*~*гарасаі!*, *харабасаі~--харасаі!*, *келегесеі~--келесеі!*. В официальном и публицистическом стилях эта форма часто применяется вместо повелительно-желательной формы 3-го лица: *ябубулсубай!* 'пусть проведут!' или 'необходимо провести!'; 8) дубитативная (опасения) с суффиксом *-буджай~--гүджеі*: *барубуджай!* 'как бы не вышел!', *харабуджай!* 'как бы не посмотрел!', *келегүджеі!* 'как бы не сказал!'.

К изъявительным формам относятся следующие: 1) настоящее-будущего (точнее — настоящего) времени (имперфектный презенс — здесь и ниже в скобках мы даем наименования описываемых форм глагола, принятые в зарубежной монголистике и существенно расходящиеся с нашими) с суффиксом *-муі~--мүй* или *-нам~--нем*: *барумуі* 'выходит', *харамуі* 'смотрит', *келемуі* 'говорит' или соответственно *барунам*,

⁴⁸ Эти формы объединены в одну группу повелительно-желательного изклонения по грамматическому принципу: все они и только они могут сопровождаться препозиционной частицей отрицания *буу* (орфографически, а фонетически — *бу*) 'не'. Семасиологические грани между повелением и выражением желания здесь были бы весьма зыбкими.

харунам и *келенем*, а под влиянием устной народной речи *баруна*, *харана* и *келене*; 2) настояще-будущего времени заведомо известного действия с суффиксом *-ју~ -јӯ*: *барују* 'ведь выходит', *харају* 'ведь смотрит', *келеју* 'ведь скажет'; 3) настояще-прошедшего времени (перфектный претерит) с суффиксом *-ба* или *-баі~ -беі*: *барба~ гарбаі* 'вышел', 'выходит', *келебе~ келебеі* 'сказал', 'говорит'; 4) прошедшего времени заведомо известного действия (перфектный презент) с суффиксом *-луба~ -луге*: *барулуба* 'ведь вышел', *келелуге* 'ведь говорил'; 5) прошедшего времени неожиданного действия (имперфектный претерит) с суффиксом *-джухуі~ -джӯкуі*, если конечным основы глагола является гласный или согласный *л*, и *-чухуі~ -чӯкуі*, если основа глагола оканчивается на остальные согласные: *барчухуі* 'оказывается, вышел', *келеджӯкуі* 'оказывается, сказал', *олджухуі* 'оказывается, нашел'.

К причастиям относятся следующие: 1) будущего времени с суффиксом *-ху~ -кӯ* или, в субстантивном употреблении, *-хуі~ -кӯі* (некогда *-хун~ -кун*): *барху* 'имеющий выйти', *келекӯ* 'имеющий сказать'; 2) прошедшего времени с суффиксом *-бсан~ -гсен*: *барубсан* 'вышедший', *келегсен* 'сказавший'; 3) настоящего времени с суффиксом *-ба~ -ге*: *баруба* 'выходящий', *келеге* 'говорящий'; 4) многократное с суффиксом *-даб~ -дег*: *бардаб* 'имеющий обыкновение выходить', *келедег* 'постоянно говорящий'; 5) однократное (по традиционной терминологии, а по существу — многократное же или имя действующего лица) с суффиксом *-бчи~ -гчи*: *барубчи* 'постоянно выходящий', *келегчи* 'говорящий обычно', *сурубчи* 'учащийся'.

Деепричастия по своим синтаксическим особенностям делятся на сопутствующие и обстоятельственные. К сопутствующим деепричастиям относятся: 1) соединительное с суффиксами *-джу~ -джӯ*, если конечным основы глагола является гласный или согласный *л*, и *-чу~ -чӯ*, если основа глагола оканчивается на остальные согласные: *барчу* 'выходя', *келеджӯ* 'говоря', *олджу* 'находя'; 2) разделительное с суффиксом *-бад~ -гед*: *барубад* 'вышедши', *келегед* 'сказав'; 3) слитное с суффиксом *-н*: *барун* 'выходя', *келен* 'говоря'. К обстоятельственным деепричастиям относятся следующие: 1) продолжительное с суффиксом *-бсабар~ -гсегер*: *барубсабар* 'продолжая выходить', 'с тех пор, как вышел', *келегсегер* 'продолжая говорить', 'с тех пор, как сказал'; 2) предварительное с суффиксом *-мабча~ -мегче*: *барумабча* 'как только вышел', *келемегче* 'лишь только сказал'; 3) предельное с суффиксом *-тала~ -теле*: *бартала* 'до тех пор, пока не вылетит', 'до выхода', *келетеле* 'до тех пор, пока не скажет', 'несмотря на то что говорили'; 4) целевое с суффик-

сом *-ра~ре*: *барура* 'чтобы выйти', *келере* 'чтобы сказать'; 5) «цитатное», или пригласительное, с суффиксом *-рун~рүн*, образуемое от основ немногих речевых глаголов: *келерүн* 'сказал следующее', *ајіладхарун* 'доложил следующее'; 6) уступительное с суффиксом *-бачу~бечу*: *барбачу* 'хотя и выйдет', *келебечу* 'вопреки сказанному'; 7) условное первое с суффиксом *-басу~бесу*, второе с суффиксом *-хула~куле* и третье, появившееся под влиянием устной народной речи, с суффиксом *-бала~беле*: соответственно *барбасу*, *бархула* и *барбала* 'если (когда) выйдет', *келебесу*, *келекуле* и *келебеле* 'если (когда) скажут'⁴⁹.

Таблица 13

Изменяемые формы глагола старописьменного монгольского языка

Формы глагола	Суффиксы	Частицы отрицания	Суффиксы в современном языке
Повелительно-желательные:³			
1) повелительная 2-го лица	нет	<i>буу</i>	нет
2) повелительно-наставительная 2-го лица	<i>-барай, -герей</i>	<i>буу</i>	<i>-алрай, -оорой, -өөрэй, -ээрэй</i>
3) повелительная 2-го лица мн. ч.	<i>-бтун, -гтүн</i>	<i>буу</i>	<i>-гтун, -гтүн</i>
4) повелительно-просительная 1-го лица	<i>-ја, -је</i>	<i>буу</i>	<i>-я, -ё, -е</i>
5) повелительно-желательная 3-го лица	<i>-тубай, -түгей</i>	<i>буу</i>	<i>-г</i>
6) пропозитивная 1-го лица	<i>-су, -сү</i>	<i>буу</i>	см. в тексте
7) желательная	<i>-суби, -сүгей</i>	<i>буу</i>	см. в тексте
8) дубитативная (опасения)	<i>-бүджай, -гүджей</i>	<i>буу</i>	<i>-уузай, -үүзэй</i>
Изъявительные:			
1) настояще-будущего времени	<i>-муі, -мүй, -нам, -нем</i>	<i>улү</i>	<i>-на, -но, -нө, -нэ</i>
2) настояще-будущего времени заведомо известного действия	<i>-ју, -јү</i>	<i>үлү</i>	нет

⁴⁹ В монголистике существует и другая классификация описанных деепричастий, в основе которой лежит историко-этимологический критерий, а не грамматический, как это имеет место в нашей изложении, и согласно которой эти деепричастия делятся на «истинные» (уступительные и условные первые и третьи) и «ложные», или «псевдокавербиальные», соответственно глагольного и, что верно лишь отчасти, именного происхождения.

Формы глагола	Суффиксы	Частицы отридания	Суффиксы в современном языке
3) настояше-прошедшего времени	-ба, -бе, -баі, -беі	есе	-в
4) прошедшего времени заведомо известного действия	-луба, -луге	есе	-лаа, -лоо, -лөө, -лээ
5) прошедшего времени неожиданного действия	-джухуі, -джүкүі, -чухуі, -чүкүі	есе	-жээ, -чээ
Причастия:			
1) будущего времени	-ху, -кү	үлү	-х
2) прошедшего времени	-бсан, -гсен	есе	-сан, -сон, -сөн, -сэн
3) настоящего времени	-ба, -ге	нет	-аа, -оо, -өө, -ээ
4) многократное	-даб, -дег	үлү	-даг, -дог, -дөг, -дэг
5) однократное	-бчи, -гчи	үлү	-гч
Деепричастия:			
1) соединительное	-джу, -джу, -чу, -чү	есе	-ж, -ч
2) разделительное	-бад, -гед	есе	-аад, -оод, -өөд, -ээд
3) слитное	-н	үлү	-н
4) продолжительное	-бсабар, -гсегер	нет	-саар, -соор, -сөөр, -сээр
5) предварительное	-мабча, -мегче	нет	-магц, -могц, -мөгц, -мэгц
6) предельное	-тала, -теле	есе	-тал, -тол, -төл, -тэл
7) целевое	-ра, -ре	нет	нет
8) «цитатное»	-рун, -рүн	үлү	нет
9) уступительное	-бчу, -бечу	есе	-вч
10) условное I	-басу, -бесү	есе	нет
11) условное II	-хула-, -күле-	үлү	-хлаа, -хлоо, -хлөө, -хлээ
12) условное III	-бала, -беле	есе	-бал, -бол, -бөл, -бэл, -вал, -вол, -вөл, -вэл

Из таблицы видно, каких форм глагола старописьменного монгольского языка нет в современном монгольском языке. Однако в последнем имеются следующие формы глагола, отсутствующие в старописьменном монгольском языке: 1) просительная форма с суффиксом -аа- ~ -оо- ~ -өө- ~ -ээ- + -ч или -т, на-

пример: *яваач!* 'иди же!'; 2) целевое деепричастие с суффиксом *-хаа ~ -хоо ~ -хөө ~ -хээ*, например: *явахаа* 'чтобы идти' (в старописьменном языке эта форма представляет собой причастие будущего времени в местном падеже, а форма целевого деепричастия на *-ра ~ -ре* некогда была отглагольным именем на *-р* в том же местном падеже); 3) предварительное деепричастие с суффиксом *-хлаар ~ -хлоор ~ -хлөөр ~ -хлээр*, например: *явахлаар* 'как только пошел'; 4) попутное деепричастие с суффиксом *-нгууд ~ -нгүүд*, например: *явангууд* 'идя, попутно (сделать то-то)'; 5) заменное деепричастие с суффиксом *-нгаа ~ -нгоо ~ -нгөө ~ -нгээ*, например: *явангаа* 'вместо того чтобы идти'. Впрочем, эти формы иногда встречаются под влиянием устной диалектной речи и в старописьменном монгольском языке. В таблице не указано, что слитное деепричастие, меняя свой конечный согласный *н* на *л*, и все причастия часто сопровождаются постпозиционным именем-отрицанием *үгеи* 'не', применяемым как бы вместо препозиционных частиц отрицания *есе* и *үлү* 'не'. Причем причастие настоящего времени с отрицанием *үгеи* или *едүй* выражает такое ожидаемое действие, которое еще не совершилось: *баруба үгеи* или чаще *баруба едүй ~ барубадүй* 'еще не вышел'. Как показано в таблице, частица отрицания *есе* употребляется преимущественно с перфектными формами глагола, а *үлү* — с футурными и презенсными формами. Если точкой отсчета времени считать начало действия, а не протекающий процесс последнего, то соединительное деепричастие следует отнести к перфектным формам (к тому же оно генетически связано с изъявительной формой прошедшего времени заведомо известного действия); вот почему это деепричастие сопровождается частицей отрицания *есе*.

Наличие двух препозиционных частиц отрицания *есе* и *үлү* как бы с временными значениями было обусловлено исторически тем, что некогда глагольные формы отличались друг от друга, по-видимому, не временными значениями, а модальными, что особенно видно из просмотра изъявительных форм. Поскольку в ходе исторического развития монгольского языка временные значения глагольных форм начали постепенно вытеснять модальные, постольку же различия между частицами отрицания *есе* и *үлү* также стали исчезать, а сами эти частицы — заменяться постпозиционным именем-отрицанием *үгеи* или иногда применяться одна вместо другой, правда, лишь при некоторых глагольных формах. Все это привело к тому, что одно из основных различий между старописьменным и современным монгольским языком сводится к преимущественному использованию в последнем имени-отрицания *үгеи* и постепенной утрате препозиционных частиц отрицания *есе* и *үлү*, тогда как для первого, т. е. для старописьменного языка, особенно ранних пе-

риодов, характерно более частое применение именно частиц *есе* и *ўлу*.

В употреблении глагольных форм различие между старописьменным и современным монгольскими языками заключается также в том, что в первом причастия в предикативной позиции сопровождаются вспомогательными глаголами, или связками, и в более частом применении изъявительных форм в той же синтаксической позиции. А между тем в современном монгольском языке изъявительные формы все более и более вытесняются причастиями, которые функционируют предикативно и без глагольных связок, если они выражают так называемые простые времена; сказанное не относится к причастию будущего времени. Этим обусловлено то обстоятельство, что и в старописьменном монгольском языке вспомогательные глаголы бытия *а-* 'быть' и особенно *бѳ-* 'быть' обладают неполным спряжением, как это можно видеть из следующей таблицы.

Т а б л и ц а 14

Формы глагола	<i>а-</i>	<i>бѳ-</i>
Повелительно-желательная 3-го лица	<i>атуѳги</i>	нет
Желательная	<i>асуѳаг</i>	нет
Изъявительные:		
настояще-будущего времени	<i>амуи</i>	нет
настояще-будущего времени заведомо известного действия	<i>ају</i>	нет
прошедшего времени	<i>абаг</i>	нет
прошедшего времени заведомо известного действия	нет	<i>бѳлуге, бѳле</i>
прошедшего времени неожиданного действия	<i>аджубу, аджи</i>	нет
причастие будущего времени	<i>аху, ахуи</i>	<i>бѳку, бѳкуи</i>
причастие прошедшего времени	<i>аѳсан</i>	нет
однократное причастие	<i>аѳчи</i>	нет
соединительное деепричастие	<i>аджу</i>	нет
разделительное деепричастие	<i>аѳад</i>	<i>бѳгед</i>
условное деепричастие I	<i>абгсу</i>	<i>бѳгесу</i>
условное деепричастие II	<i>ахула</i>	нет
уступительное деепричастие	<i>абчу</i>	нет
предельное деепричастие	<i>атала</i>	<i>бѳгетеле</i>
продолжительное деепричастие	<i>аѳгсагар</i>	нет
«цитатное» деепричастие	нет	<i>бѳрун</i>

Кроме отмеченных в таблице форм вспомогательных глаголов *а-* и *бѳ-* в старописьменном монгольском языке имеются также изолированные формы *буи* 'сущий' (форма давно уже омертвевшего причастия настоящего времени на *-и*), *буи-джа*

‘вероятно, кажется’ (то же причастие с частицей *-джа*) и *буу* ‘есть’ (изъявительная форма настоящего-будущего времени заведомо известного действия).

Основой этих форм в древнемонгольских диалектах был, по-видимому, глагол *бу-* ← *би. В современном монгольском языке этим формам соответствуют *бий* ‘есть, имеется’, *биз* ‘вероятно, кажется’ и — как явно книжная — *буюу* ‘или’. К изолированным формам глагола надо отнести еще *болаи* ‘был’ — по-видимому, контаминация древнемонгольского *бу-* и современного *бол-* ‘быть, становиться’.

Все эти вспомогательные глаголы и их формы, как и во многих других языках, характерны некоторыми существенными особенностями. Во-первых, как уже сказано, они имеют неполное спряжение, а именно: из тридцати спрягаемых форм, наличных в старописьменном монгольском языке, глагол *а-* функционирует в шестнадцати, а *бѳ-* — всего в шести. Во-вторых, в этих формах, что особенно существенно, сохраняются исконные значения глагольных форм вообще, утраченные последними от основ ординарных глаголов: 1) форма на *-муи* ~ *-муи* уже в старописьменном языке под влиянием устной народной речи давно является изъявительной настоящего-будущего времени, тогда как *амуи* по-прежнему продолжает оставаться изъявительной формой лишь настоящего времени; 2) если в монгольских языках и их диалектах вообще изъявительные формы от основ ординарных глаголов почти полностью потеряли свои былые модальные значения, то, например, формы *аджуу* ~ *аджи* и *бѳлуге* ~ *биле* продолжают полностью сохранять свои значения форм прошедшего времени соответственно неожиданного и заведомо известного действий. Однако, в-третьих, от основ этих вспомогательных глаголов не образуются залоги и видовые основы, а, в-четвертых, все их формы не применяются в отрицательной конструкции, т. е. не могут сопровождаться ни частицами отрицания *улѳ* и *есе*, ни именем-отрицанием *ѳгеи*, ни частицей запрета *буу*. Кроме того, некоторые из представленных в таблице форм этих глаголов в современном монгольском языке подверглись лексикализации и грамматикализации со следующими значениями: 1) *афсан* → *агсан* ‘покойный, умерший, бывший’ (например: *агсан дарга* ‘бывший председатель’); 2) *афчи* → *агч* ‘находящийся’ [например: *уулыч оройд агч гачуур* ‘ель (растущая) на вершине горы’]; 3) *аджу* → *аж* в сочетании с глаголами или отглагольными именами образует неологизмы (например: *аж үйлдвэржүүлэх* ‘индустриализировать, индустриализация’, *аж амьдрал* ‘жизнь, существование’, *аж ахуй* ‘хозяйство’); 4) *бѳгед* → *бѳгөөд* приобрела значение сочинительного союза ‘и’ (например: *Лувсанвандан шийдвэртэй бѳгөөд цэцэн хүн* ‘Лувсанвандан — человек решительный и умный’); 5) *бѳкүй* → *бүхий* ‘имеющий’, т. е. применяется как бы со зна-

чением совместного падежа (например: *ус сүхий сав* как бы вместо *устай сав* 'посуда с водою').

Аналогичное явление можно наблюдать во всех монгольских языках и диалектах. Таким образом, бывшие значения и различную эволюцию глагольных форм вообще можно проследить путем тщательного исследования случаев синтаксического употребления и значений остаточных форм вспомогательных глаголов. Кроме того, если приведенные выше формы старописьменного монгольского языка *буи*, *бују*, *болаи* и *буи-джа* имеют какую-либо генетическую связь с современными формами *бий*, *биз* и старописьменными же от основы *сд-*, то перед нами может обнаруживаться явление так называемой внутренней флексии, свидетельствующее о реликтовом слое какого-то доагглютинативного состояния монгольской речи отдаленного прошлого.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В синтаксическом отношении старописьменный монгольский язык от современного монгольского языка⁵⁰ отличается лишь следующими особенностями: 1) выражение подлежащего, обозначающего лица или учреждения и организации, именем в исходном падеже, например: *енекү жеке аджил-и нам джасаг-ача жабубулджей* 'эту великую работу провели партия и правительство' — в современном языке такое оформление подлежащего является «книжным»; 2) употребление частицы *-бер*, отсутствующей в современном языке, в качестве показателя подлежащего, если оно обозначает лица, например: *би-бер тегүн-лүге енде аджил-и-бен кимүй* 'я свою работу выполняю здесь вместе с ним'; 3) выражение подлежащего причастных или деепричастных оборотов именем в родительном падеже (в современном языке — чаще всего в винительном падеже), например: *чинү енде ирекү-дүр* 'когда ты прибыл сюда', *минү тејигси одумаҗа* 'как только я отправился туда'; 4) постпозиция лично-местоименного подлежащего, например: *чима-дүр келебе би* 'тебе сказал я'; в ойратских и бурятских диалектах такого рода подлежащие превратились в лично-предикативные частицы и совершенно не употребительны в современном монгольском языке; 5) обязательное употребление вспомогательного глагола *а-* 'быть' в качестве связки при причастном сказуемом, например: *еке гер-теген ирегсен амуј* 'мать прибыла домой'; в современном языке причастные сказуемые употребляются без связок настоящего времени (*эх гэртээ ирсэн* 'мать прибыла домой').

⁵⁰ Г. Д. Санжеев, *Современный монгольский язык*, стр. 80—99 (глава о синтаксисе).

Транслитерация

Бајан Болуд

Бајан Болуд-ун насун-ану дөчигед, толубай-ану халджан, сахал-ану бітегуу, ниду-ину улабар, джанг-ану тоб болбачу, джалі-ану жеке болуд-тай. Чисчау-ача дегегсі хубчасу үлү едлеку бөгед, сайн хубчасу үгеі, тегүн-у екенер Деджид насу дөчі кірі, абасі джанг хурдун, үге келе сірүгүн, санаб-а седкіл сайн үгеі, ед јабум-а-ду харамчі біле. Болуд кедуі-бер сілүбун күмун болбачу, екенер-ину елдеб-іжер ебдемуі. Болуд-ун гер-ту утуб-а унијар, тобусу тортуб үргүлджілегсен болбачу, едлел хобсіл баса-чу токтіай.

Тот же текст в современной письменности

Баян Болд

Баян Болдын нас нь дөчөөд, толгой нь халзан, сахалнь битүү, нүд нь улбар, занг нь төв боловч, заль нь их боллолтой. Чисчүүгээс дээгш хувцас үл эдлэх бөгөөд, сайн хувцас үгүй. Түүний эхнэр Дэжид нас дөч хир, ааш занг хурдан, үг хэл ширүүн, санаа сэтгэл сайн үгүй, эд юуманд харамч билээ. Болд хэдүйгээр шулуун хүн боловч, эхнэр нь элдвээр эвдэнэ. Болдын гэрт утаа униар, тоос тортог үргэлжилсэн боловч, эдлэл хогшид бас ч тохигтой.

Перевод

Богач Болод

Богачу Болоду около сорока лет, голова у него лысая, борода густая, глаза красноватые, очень хитер, хотя он человек спокойного характера. Самая лучшая одежда у него лишь из чесучи, хорошей одежды вообще не имеет. Его жена Дэджид около сорока лет, весьма вспыльчивая по характеру, очень резка в своей речи, весьма зловредна, жадна на всякие вещи. Насколько простоватый человек сам Болод, настолько взбаломозна его жена. Хотя в юрте Болода всегда много дыма, копоты и грязи, имущество все же держится в порядке.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вся необходимая литература нами указана в уже изданном очерке «Современный монгольский язык», М., 1960, стр. 102—103. Здесь, поэтому, будет вполне достаточно указать дополнительно на «Учебник старописьменного монгольского языка» Б. Тамцугдордж (Б. Тамцугдорджи, *Хабучин бичиг-ун тобчи сурху бичиг*), Уланбатор, 1952. Кроме того, укажем, что важнейшие памятники старописьменного монгольского языка (старшей поры) приводятся в книге: Б. Я. Владимиров, *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия*, Л., 1929, стр. 34—39.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	7
Старый монгольский алфавит	12
Чтение и транслитерация	14
Фонологическая система	19
Гласные	19
Долгие гласные	24
Дифтонги	26
Сингармонизм гласных	29
Согласные	38
Сочетания согласных	44
Грамматическая система	53
Словообразование	54
Образование имен	54
Образование глаголов	57
Именные части речи и их изменения	58
Множественное число	58
Склонение имен	61
Простое склонение	62
Двойное склонение	66
Притяжательное склонение	68
Местоимения	72
Числительные	74
Глагол	76
Образование залогов	76
Образование видовых основ	79
Изменение глагола	80
Синтаксические особенности	88
Приложение (текст и библиография)	89

100P
2015

Гарма Данцаранович Санжеев
СТАРОПИСЬМЕННЫЙ
МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *Е. А. Поцелуевский*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *И. И. Исаева* и *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 11/XI 1963 г.
Подписано к печати 14/II 1964 г.
А-04320. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 5,75
Усл. п. л. 5,75 Уч.-изд. л. 5,43
Тираж 1200 экз. Зак. 1262
Цена 36 коп.

Издательство «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 36 коп.